

ОРНАМЕНТ С “РЕСНИЧКАМИ” НА ПОГРЕБАЛЬНОЙ КЕРАМИКЕ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ

В статье рассматривается один из знаков срубной орнаментальной системы – т.н. “реснички” (короткие отрезки, примыкающие к различным орнаментальным фигурам). Анализ 215 погребений, где присутствовали сосуды с “ресничками”, позволил автору выявить некоторые закономерности распределения данного знака по определенным возрастным и социальным группам. Выдвинуто предположение, согласно которому “реснички” у носителей срубной культуры являлись символом овечьей шерсти.

Ключевые слова: срубная культура, погребение, сосуд, орнамент, социальные группы, половозрастные группы, семантика.

Орнаментальные композиции, встречающиеся на сосудах из погребений срубной культуры, демонстрируют необычайную вариативность, хотя их разнообразие и достигалось путем комбинирования небольшого числа относительно простых знаков – зигзага, валика, ряда вдавлений (насечек), фриза треугольников, крестов, ромбов и т.д. [Цимиданов 2004а]. Один из знаков – короткие отрезки, примыкающие к различным орнаментальным фигурам (рис. 1; 2; 3, 1, 2, 4-6; 4, 3, 6; 5-7). Данные отрезки исследователи именуют “ресничками” (см., например: Марина и др. 1986, с. 9; Полидович 1993, с. 50; Литвиненко и др. 2001, с. 134, 139; Гаврилюк и др. 2006, с. 90), “бахромкой” [Казаков, 1978, с. 101], но чаще – “бахромой” (см., например: Зудина и др. 1985, с. 59; Мыськов 1990, с. 47, 48, 49; Овчинникова и др. 1999, с. 66; Берестнев 2001, с. 111; Горбов и др. 2001, с. 162; Багаутдинов и др. 2004, с. 190; Гаврилюк и др. 2006, с. 96; Лопатин и др. 2007, с. 119; Фещенко, 2007, с. 403; Кузьмина, 2008, с. 75). Как мы полагаем, в определенных контекстах семантически равнозначны этим отрезкам и точечные вдавления, поскольку в системе срубной орнаментации они занимают те же позиции, что и “реснички” (ср., например, рис. 3, 3 и 3, 4). Поэтому ряды точек (рис. 3, 3; 4, 1, 2, 5), а в одном случае – и полукружий (рис. 4, 4), обрамляющие орнаментальные фигуры таким же образом, как это имеет место в случае с “ресничками”, мы далее условно тоже именуем “ресничками” и рассматриваем суммарно с собственно “ресничками”. Всего мы учли 215 погребений, где были сосуды с интересующим нас орнаментом. В 4 захоронениях обнаружено по 2 сосуда с “ресничками”, т.е., наша сводка содержит 219 сосудов. Кроме того, на трех сосудах имеет место сочетание двух разных типов орнамента с “ресничками”. В итоге нами учтено 222 орнаментальные единицы.

Рассматриваемые погребения выявлены по всей территории срубной культурно-исторической общности; частота их встречаемости в разных регионах видна из табл. 1. Приведенные в ней данные свидетельствуют о том, что знак “реснички” на западной территории общности (Подонье, Предкавказье, Днепро-Донецкий регион) чаще присутствует на керамике из захоронений северных регионов, особенно – в лесостепи. И при этом показатели по лесостепным регионам западной территории значительно превышают показатели по восточной территории (Южный Урал, Поволжье). Что касается востока срубного ареала, то здесь, вероятно, знак “реснички” чаще встречается на севере Степного Поволжья. Так, удельный вес погребений, где были сосуды с “ресничками”, составляет 9,6% в нашей сводке срубных захоронений Саратовского Поволжья, 8,3% в суммарной сводке срубных погребений Среднего Поволжья (Татарстан, Ульяновская, Самарская обл.), 7,6% в массиве захоронений Волгоградского и Астраханского Поволжья, взятых суммарно (при этом на территории Астраханской области нам не известно ни одного захоронения, где был выявлен сосуд с “ресничками”) и 6,7% захоронений Южного Урала (Башкортостан, Оренбургская, Челябинская, Уральская области).

Можно констатировать, что знак “реснички” относится к общесрубным. Важным моментом является то, что керамика с рассматриваемым орнаментом значительно чаще обнаруживается в погребениях, чем на поселениях. Приведем в защиту этого утверждения следующие данные.

В публикации материалов поселения Сачково Озеро, Самарская обл. имеются рисунки 101 фрагмента орнаментированных сосудов. Ни на одном из них явных “ресничек” нет [Васильева и др. 2008, рис. 14-20]. Из этого, естественно, не следует, что интересующий нас орнамент вообще отсутствует на поселенческой керамике Самарского Поволжья. На некоторых памятниках он выявлен [см., например: Алихова 1958, рис. 14, 4; Васильев и др. 1985, рис. 6, 51; Колев 2002, рис. 4, 4], но соответствующие работы содержат недостаточное количество иллюстраций, а потому высчитывать показатель частоты встречаемости рассматриваемого знака едва ли уместно. Материалы же Сачкова Озера косвенно свидетельствуют о том, что “реснички” на керамике срубных поселений Самарского Поволжья встречаются крайне редко. В то же время, по нашим подсчетам, удельный вес сосудов с “ресничками” в массиве погребальной керамики с территории Самарской обл. – около 7,3%.

В сводке памятников срубной культуры степной части Волго-Уральского междуречья опубликованы рисунки 783 орнаментированных сосудов и фрагментов керамики, выявленных на поселениях [Памятники... 1993, табл. 31-69]. “Реснички” можно видеть на 17 артефактах [Памятники... 1993, табл. 32, 26; 37, 10, 15; 38, 6, 18; 40, 7; 41, 33, 36; 43, 8; 46, 1; 47, 16, 25, 33; 48, 22; 53, 22; 57, 13; 60, 2], что составляет около 2,2%. Показатель же по погребениям этой территории, как свидетельствуют наши подсчеты, – около 6,3%.

В статье, где вводятся в оборот материалы поселения Макаровская Речка, Саратовская обл. (бассейн р. Хопер), приведены рисунки 4 фрагментов керамики, на которых имеются “реснички” [Изотова 2006, рис. 8, 22; 9, 28; 10, 23; 11, 21]. В массиве из 73 опубликованных в данной работе орнаментированных керамических фрагментов с упомянутого памятника [Изотова 2006, рис. 6, 7; 8-11] артефакты с “ресничками” составляют 5,5%. Погребальная керамика западной части территории Саратовской обл., где расположено поселение, по нашим подсчетам, демонстрирует более высокий показатель удельного веса артефактов с “ресничками” – около 9,4%. Соответствующий показатель по погребениям Среднего Подонья, в пределах которого находится поселение Макаровская Речка, – еще выше (около 11,5%).

На опубликованных сосудах с поселения Усово Озеро, Донецкая обл. (Среднее Подонцовье) орнамент с “ресничками” отсутствует [Березанская 1990, рис. 5; табл. I-XII]. На поселении Новоселовка I, Донецкая обл. (Среднее Подонцовье) [Цимиданов 1988; 1989; 1990] удельный вес фрагментов с “ресничками” в массиве орнаментированных фрагментов сосудов – около 1,2%. Данный показатель по погребениям левобережья Среднего Донца, где расположены оба поселения, составляет, по нашим подсчетам, около 11,6%.

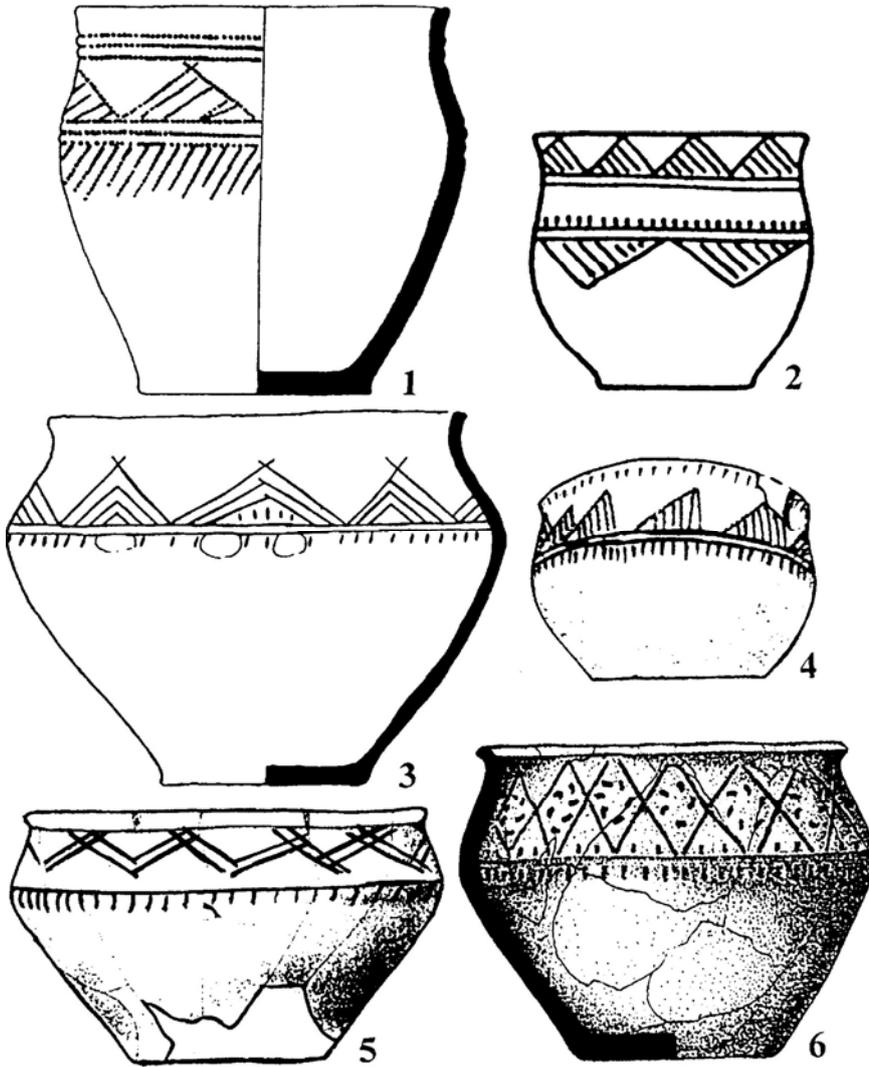
В зависимости от размещения “ресничек” в пределах орнаментальной композиции мы склонны выделить следующие типы орнамента:

Тип Р-I. “Реснички” отходят от горизонтально расположенного фриза с одной стороны. Здесь возможны такие варианты:

Р-I-1. Фриз состоит из равнобедренных или близких к таковым треугольников, направленных вершинами вверх и заполненных косой штриховкой. Снизу он ограничен 1-3 линиями, от которых вниз (а в одном случае – и вверх) отходят вертикальные или наклонные “реснички” (рис. 1, 1). Учтено 19 случаев;

Р-Ia-1. То же, что и предшествующий вариант, с той разницей, что фриз перевернут, и в итоге “реснички” отходят от верхней ограничивающей линии (рис. 1, 2). Учтен 1 случай;

Р-I-2. Фриз состоит из равнобедренных треугольников, вписанных один в один и обращенных вершинами вверх. “Реснички” отходят вниз (рис. 1, 3). Учтено 4 случая;

Рис. 1. Сосуды с “ресничками”: 1 – Уранбаш-южный 8/11 (Оренбургская обл.) – вариант Р-I-1; 2 – Новая Белогорка 2/18 (Оренбургская обл.) – вариант Р-Ia-1; 3 – Русин Яр 1/1 (Донецкая обл.) – вариант Р-I-2; 4 – Старые Ябалаклы 66/1 (Башкортостан) – вариант Р-I-3; 5 – Ивано-Дарьевка 5/23 (Донецкая обл.) – вариант Р-I-4; 6 – Высокое 6/1 (Донецкая обл.) – вариант Р-I-5

Fig. 1. Vessels with “eyelashes”

Р-Ia-6. То же, но “реснички” направлены вверх. Учтен 1 случай;

Р-I-7. “Паркетный” фриз. Вниз отходят “реснички” (рис. 2, 4). Учтено 5 случаев;

Р-I-8. Фриз иррегулярного орнамента. Вниз отходят “реснички” (рис. 2, 5). Учтено 4 случая;

Р-I-9. Прочие фризы (регулярные). “Реснички” отходят вниз (см., например, рис. 2, 6; 3, 1). Учтено 9 случаев.

В целом, орнамент типа **Р-I** присутствует на 68 сосудах, что составляет 31,1% учтенных сосудов с “ресничками”;

Тип Р-II. “Реснички” отходят от горизонтального фриза вверх и вниз (см., например, рис. 3, 2). Такой орнамент присутствует на 4 сосудах сводки (1,8%). Заполнение фриза может

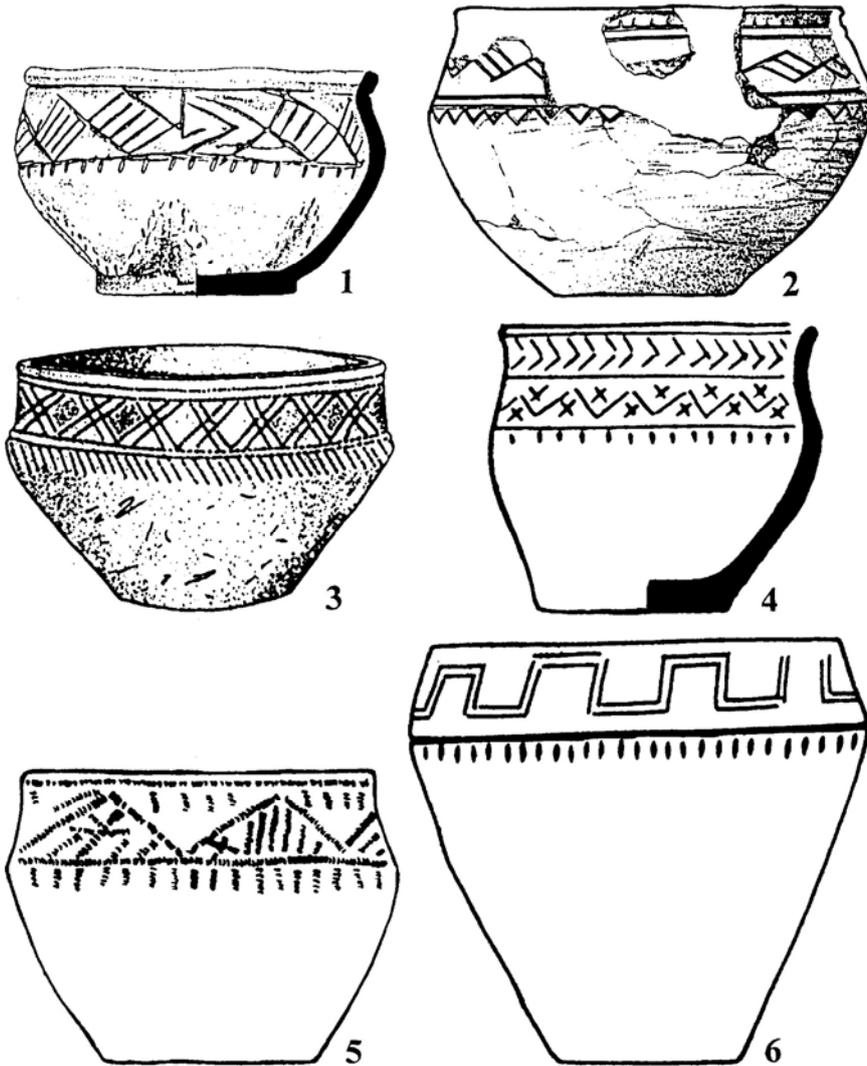
Р-I-3. Фриз образуют направленные вершинами вверх треугольники иного вида. “Реснички” направлены вниз (см., например, рис. 1, 4). Учтено 2 случая;

Р-I-4. Зигзаг, в том числе двойной или тройной, ограничен снизу (или – снизу и сверху) 1-3 линиями. “Реснички” отходят вниз от нижнего ограничителя (рис. 1, 5). Учтено 12 случаев;

Р-I-5. Фриз ромбов ограничен линиями сверху и снизу. “Реснички” отходят вниз (изредка – и вниз, и вверх) от нижнего ограничителя (рис. 1, 6). Учтено 7 случаев. В 2 из них фриз содержал доминирующий компонент (рис. 2, 1);

Р-Ia-5. То же, что и предшествующий вариант, но “реснички” направлены вверх от верхнего ограничителя (рис. 2, 2). Учтен 1 случай;

Р-I-6. Фриз составляют ромбы, образующиеся в результате пересечения линий (в отличие от типов Р-I-5 и Р-Ia-5 здесь ромбы ничем внутри не заполнены). От фриза вниз отходят “реснички” (рис. 2, 3). Учтено 3 случая;

Рис. 2. Сосуды с “ресничками”: 1 – Репный I 4/1 (Ростовская обл.) – вариант P-I-5; 2 – Александровка 1/1 (Донецкая обл.) – вариант P-Ia-5; 3 – Лузановка 12/2 (Самарская обл.) – вариант P-I-6; 4 – Новопавловка 4/2 (Уральская обл.) – вариант P-I-7; 5 – Шнурки 1/2 (Донецкая обл.) – вариант P-I-8; 6 – Краснополье E14/2 (Саратовская обл.) – вариант P-I-9

Fig. 2. Vessels with “eyelashes”

Тип P-VII. “Реснички” примыкают к сторонам треугольников, обращенных вершинами вверх. Здесь возможны следующие варианты:

P-VII-1. Треугольники являются равнобедренными или близкими к таковым и заполнены косой штриховкой (рис. 4, 3). Учтено 4 случая (1,8%);

P-VII-2. Треугольники вписаны один в один (рис. 4, 4). Учтено 2 случая (0,9%);

P-VII-3. Треугольники заполнены вертикальной штриховкой (рис. 4, 5, 6). Учтено 2 случая (0,9%);

Тип P-VIII. “Реснички” примыкают к сторонам треугольников, обращенных вершинами вверх, и к линиям, обрамляющим фриз (или – одной из них) (см., например, рис. 5, 1). Учтено 4 случая (1,8%), и при этом в 3 из них треугольники заполняла косая штриховка, а в 1 – штриховка, близкая к вертикальной;

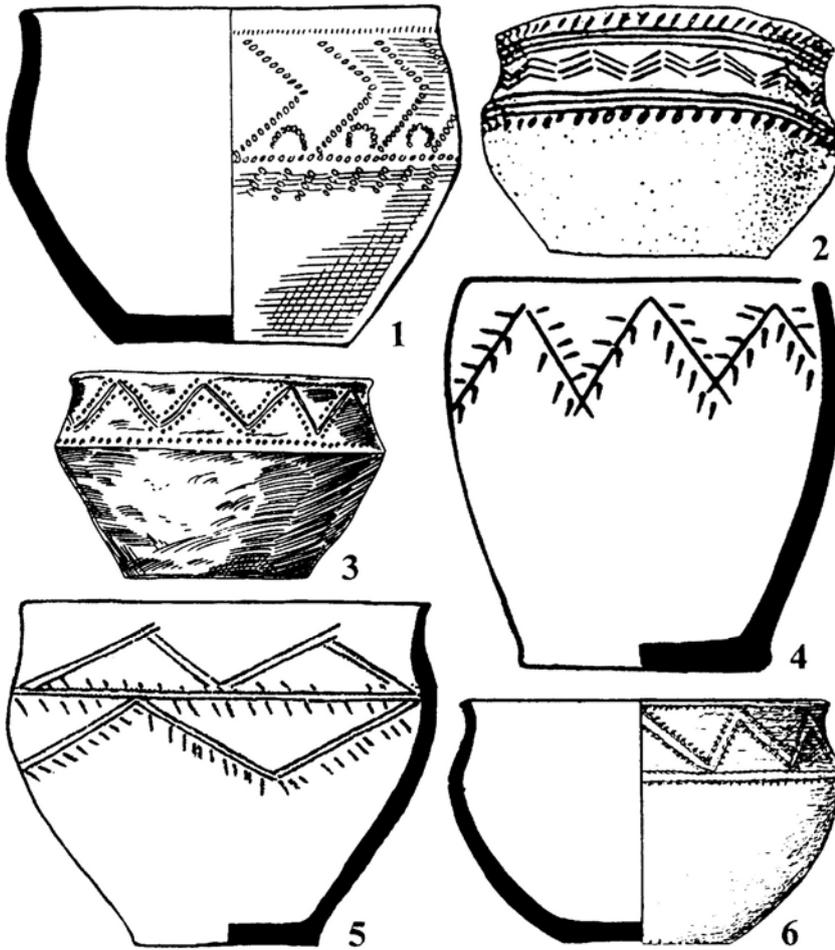
быть разным, но поскольку выборка орнамента данного типа мала, разбивку на варианты мы не производили;

Тип P-III. “Реснички” с одной или двух сторон примыкают к горизонтально расположенному зигзагу (порой – двойному или тройному) (см., например, рис. 3, 3, 4). В ряде случаев “реснички” расположены не по всей длине зигзага, а локально. В трех случаях на сосуде было 2 зигзага с “ресничками”. В 4 случаях ритм нарушал доминирующий компонент. Всего учтен 71 сосуд с орнаментом данного типа (32,4%);

Тип P-IV. “Реснички” примыкают как к зигзагу, так и к обрамляющим его линиям (см., например, рис. 4, 5, 6). Учтено 9 случаев (4,1%);

Тип P-V. “Реснички” примыкают к волнистой линии (рис. 4, 1). Учтено 4 случая (1,8%);

Тип P-VI. “Реснички” примыкают к линии, изломанной под углом, близким к прямому (рис. 4, 2). Учтен 1 случай (0,5%);

Рис. 3. Сосуды с “ресничками”: 1 – Коминтерн 1/3 (Херсонская обл.) – вариант Р-I-9; 2 – Старые Ябалаклы 86/1 (Башкортостан) – тип Р-II; 3 – Печенеги 254/5 (Харьковская обл.) – тип Р-III; 4 – Быково V 16/1 (Волгоградская обл.) – тип Р-III; 5 – Уранбаш-южный 8/11 (Оренбургская обл.) – тип IV; 6 – Озерки XIV 11/1 (Ростовская обл.) – тип IV

Fig. 3. Vessels with “eyelashes”

Тип Р-XIV. “Реснички” примыкают к наклонным отрезкам. Учтено 5 случаев (2,3%). В 4 из них “реснички” направлены вниз (такой орнамент некоторые исследователи именуют “флажками” [Багаутдинов и др. 2004, с. 183]). В 1 случае “реснички” обращены и вверх, и вниз;

Тип Р-XIVa. “Реснички” примыкают к наклонным отрезкам, расположенным между горизонтальными линиями (рис. 6, 6). Учтен 1 случай (0,5%);

Тип Р-XV. “Реснички” примыкают к разным фигурам, входящим в состав иррегулярных орнаментов. Композиции при этом очень разнообразны (см., например, рис. 7). Учтено 17 случаев (7,8%).

Стоит добавить, что на 3 сосудах сочетался орнамент двух типов: IX и XI, VIII и XI, VII и XV.

Обобщенная информация о частоте встречаемости орнамента разных типов приведена в табл. 2. Показательно, что большинство из выделенных типов и вариантов встречаются на сосудах обеих территорий – и восточной, и западной. Лишь немногие из них, представленные единичным числом случаев (1-4), известны нам только на одной из

Тип Р-IX. “Реснички” примыкают к сторонам треугольников, обращенных вершинами вниз (рис. 5, 2, 3) (из-за недостаточной репрезентативности типа разбивка на варианты не производилась). В 1 случае “реснички” размещались на локальном участке. Всего учтено 6 случаев (2,7%);

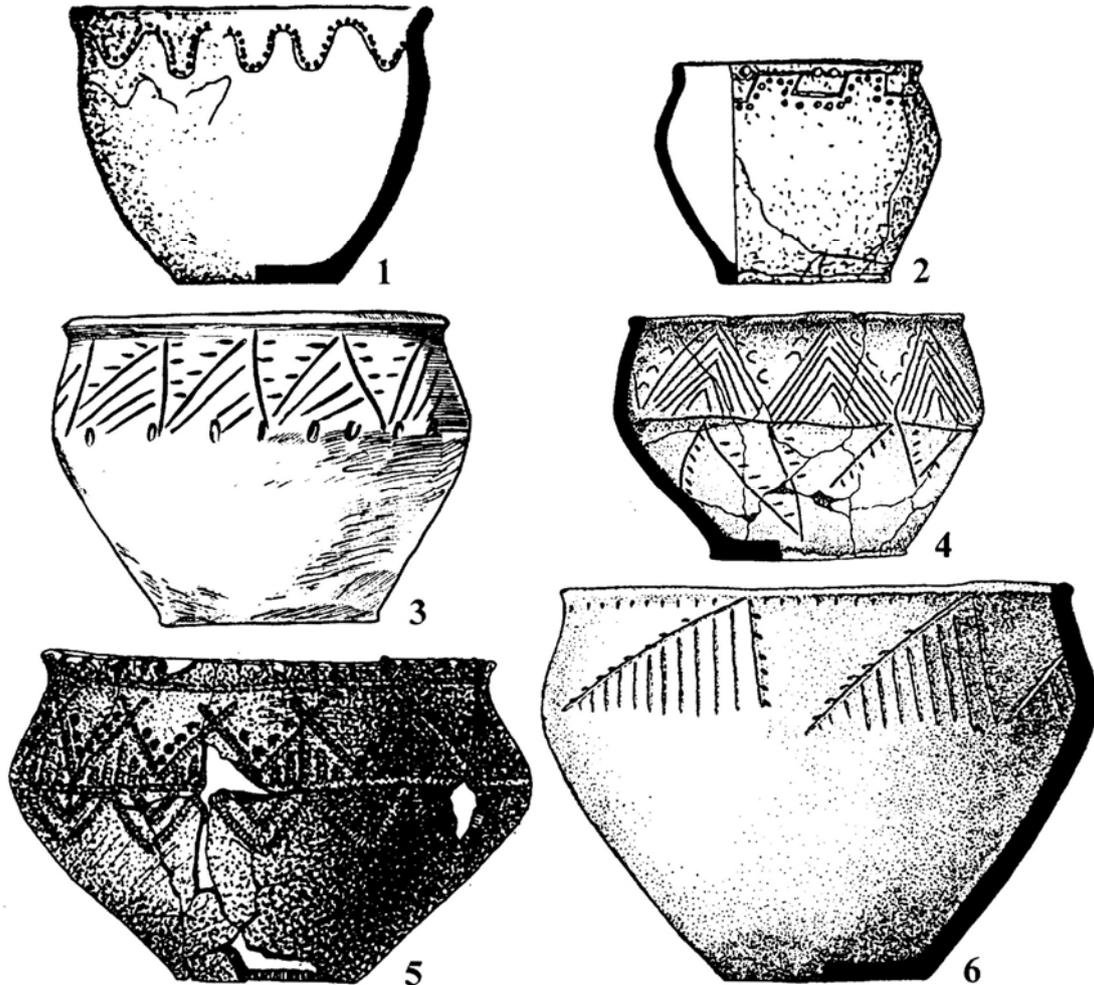
Тип Р-X. “Реснички” примыкают к сторонам треугольников, обращенных вершинами вниз, и к линии, обрамляющей фриз (рис. 5, 4). Учтен 1 случай (0,5%);

Тип Р-XI. “Реснички” примыкают к сторонам ромбов (рис. 5, 5, 6). Учтен 1 случай (0,5%);

Тип Р-XII. “Реснички” примыкают к одной или нескольким горизонтальным линиям с одной или двух сторон (рис. 6, 1-3). Учтено 14 случаев (6,4%);

Тип Р-XIII. “Реснички” примыкают к горизонтальным отрезкам (одному или нескольким параллельным). Учтено 5 случаев (2,3%). В 1 “реснички” направлены вверх (рис. 6, 4), в 3 – вниз, в 1 – вверх и вниз;

территорий (табл. 2). На западной территории орнаменты с “ресничками” более разнообразны, что не удивительно. Ведь там сосуды с рассматриваемым знаком вообще встречаются чаще. Обратим внимание и на то, что обе территории демонстрируют наибольшую частоту встречаемости одного и того же типа орнамента – Р-III. Если же заострять внимание на различиях между территориями, то наиболее существенным из них, на наш взгляд, является очень высокая частота встречаемости орнамента типа Р-XV на западной территории, в отличие от восточной.

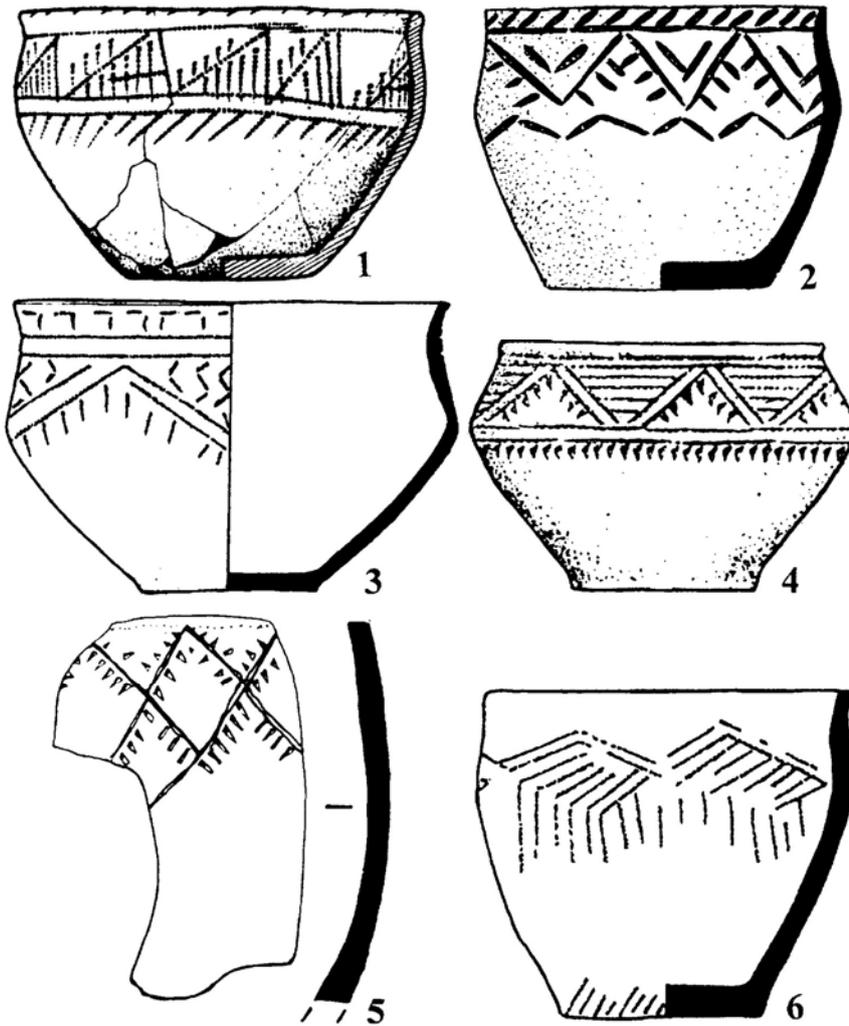

Рис. 4. Сосуды с “ресничками”: 1 – Букатовка II 3/4 Саратовская обл.) – тип Р-V; 2 – Верхний Карачан 1/7 (Воронежская обл.) – тип Р-VI; 3 – Покровское 205/5 (Донецкая обл.) – вариант Р-VII-1; 4 – Раздольное 2/1 (Донецкая обл.) – вариант Р-VII-2 и тип Р-XV; 5 – Барановка 2/9 (Полтавская обл.) – вариант Р-VII-3; 6 – Волченский III 3/3 Ростовская обл.) – вариант Р-VII-3

Fig. 4. Vessels with “eyelashes”

По большинству из учтенных погребений имеются данные о возрасте и/или поле умерших. Однако, возраст зачастую выражен в терминах “ребенок”, “подросток” и “взрослый”. Поскольку такие определения слишком расплывчаты [Цимиданов 2008, с. 60], мы решили опираться лишь на погребения, по которым есть данные о возрасте, выраженные в годах. На наш взгляд, применительно к восточной территории срубной общности можно выделить следующие возрастные группы:

а) от рождения до 6 лет включительно;	г) I старшая – 18-39 лет;
б) I средняя – 7-12 лет;	д) II старшая – 40 и более лет.
в) II средняя – 13-17 лет;	

Рис. 5. Сосуды с “ресничками”: 1 – Желанное 1/12 (Донецкая обл.) – тип Р-VIII; 2 – Каменный Враг 2/12 (Самарская обл.) – тип Р-IX; 3 – Песочное 8/1 (Самарская обл.) – тип Р-IX; 4 – Сады (Воронежская обл.) – тип Р-X; 5 – Волчанка 4/7 (Самарская обл.) – тип Р-XI; 6 – Уранбаш-южный 8/11 (Оренбургская обл.) – тип Р-XI

Fig. 5. Vessels with “eyelashes”

Погребений представителей старшей группы, где выявлена орнаментированная керамика, учтено 104. Сосуды с “ресничками” присутствовали в 11 (10,6%). Максимальный возраст умерших – 55-60 лет.

Приведенная информация позволяет сделать допущение, что с увеличением возраста покойников вероятность попадания в могилу сосуда с рассматриваемым орнаментом возрастала. Впрочем, более объективное суждение можно высказать, если использовать метод, при котором рассчитывается тенденция признака [Генинг и др. 1990, с. 84-88]. Значения данного показателя применительно к возрастным группам помещены в табл. 3. Учтем, что если они находятся в интервале 0,8-1,2, то встречаемость признака можно считать нормальной. При меньшем значении тенденции признака встречаемость следует считать пониженной, а при большем – повышенной. Таким образом, из данных, приведенных в таблице, видно, что на восточной территории в младшей группе встречаемость орнамента с “ресничками” понижена, в средней – нормальна, в старшей – повышена.

Ситуация на западной территории аналогична с той лишь разницей, что переход от II средней к I старшей группе происходил в возрасте около 20-21 года [Цимиданов 2008, с. 68-70]. В предлагаемой работе, из-за того, что сводка анализируемых комплексов не очень репрезентативна, уместно средние группы рассматривать как одну и старшие – тоже.

Для восточной территории учтено 58 захоронений лиц младшей группы, содержащих орнаментированные сосуды. В 3 из них (5,2%) на сосудах присутствовал орнамент с “ресничками”, причем среди умерших не было ни одного с возрастом младше 4 лет. Отсюда возможно допущение, что интересующие нас сосуды могли попадать в могилы лишь начиная с определенного возраста.

Захоронений лиц средней группы с орнаментированной посудой учтено 61. В 4 (6,6%) комплексах были сосуды с “ресничками”.

Рис. 6. Сосуды с “ресничками”: 1 – Золотая Нива II 1/17 (Самарская обл.) – тип Р-ХII; 2 – Николаевка I 6/6 (Самарская обл.) – тип Р-ХII; 3 – Новая Белогорка 2/21 (Саратовская обл.) – тип Р-ХII; 4 – Мастюгино 43/12 (Воронежская обл.) – тип Р-ХIII; 5 – Лузановка 12/2 (Самарская обл.) – тип Р-ХIV; 6 – Николаевка II 8/3 (Донецкая обл.) – тип Р-ХIVa

Fig. 6. Vessels with “eyelashes”

Для западной территории мы учли 52 погребения младшей группы с орнаментированной керамикой. Посуда с “ресничками” выявлена в 4 (9,6%). Интересно, что возраст самого младшего из умерших, сопровождавшихся данной посудой, был 4 года, что соответствует данным по восточной территории. Впрочем, лишь расширение сводки комплексов, где выявлены сосуды с “ресничками”, позволит уточнить возраст, с которого рассматриваемые сосуды могли попадать в могилы.

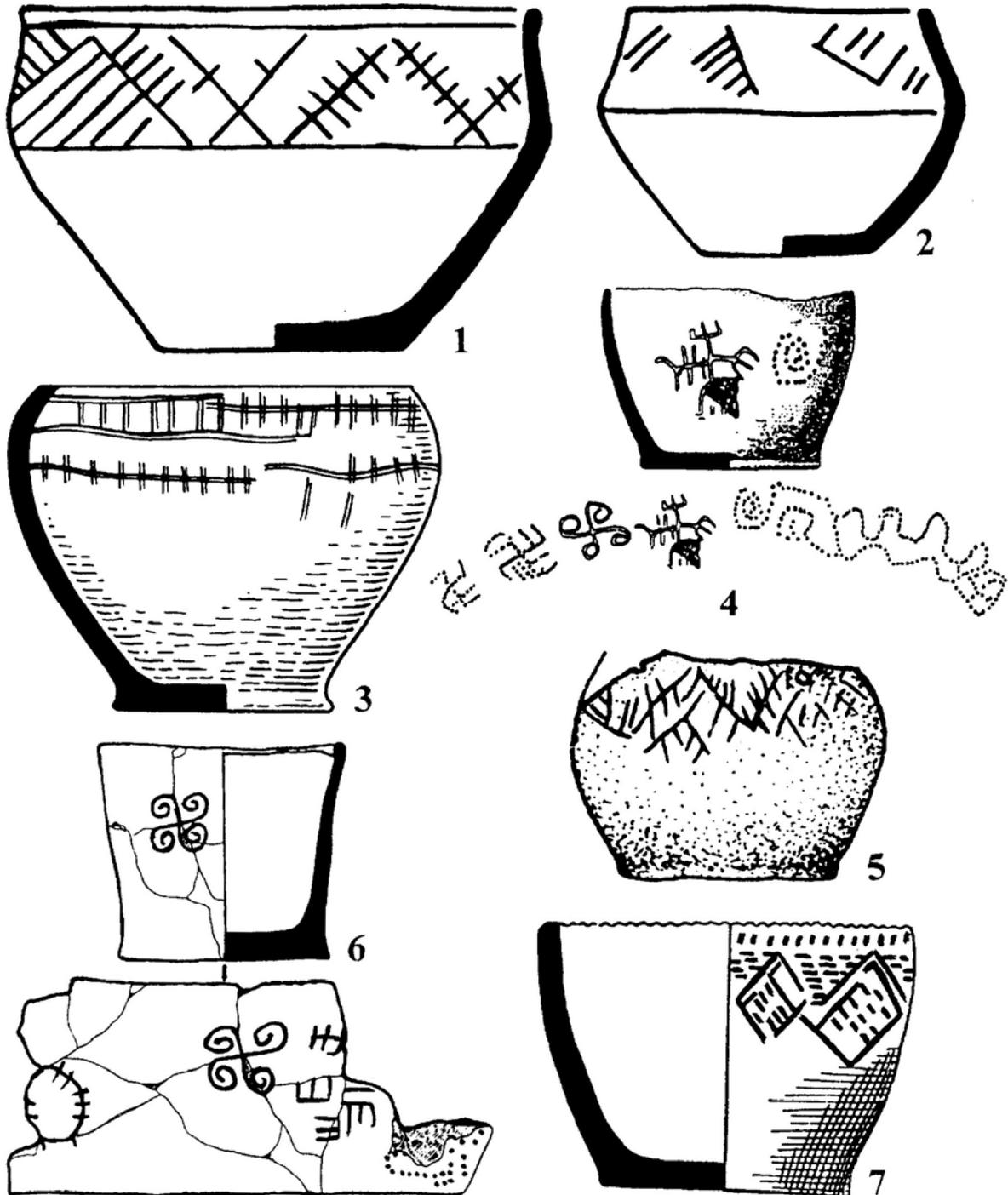
Погребений средней группы с орнаментированной керамикой на западной территории мы учли 39. Из них 5 содержали сосуды с “ресничками” (12,8%). Погребений старшей группы с орнаментированной посудой на упомянутой территории учтено 146. В 14 из них были сосуды с “ресничками” (9,6%). Максимальный возраст умерших, погребенных с данной посудой – 50-55 лет. Если учесть, что по меркам срубной культуры это – довольно преклонный возраст, и что соответствующий показатель по восточной территории довольно близок, можно допустить отсутствие верхнего возрастного предела для попадания в могилы сосудов с “ресничками”. Показатели тенденции

признака для трех возрастных групп (табл. 3) позволяют констатировать, что ситуация на западной территории – несколько иная, чем на восточной. На западе вероятность попадания сосудов с “ресничками” в погребения была повышенной не в старшей группе, а в средней.

Рассмотрим ситуацию в половых группах. Для восточной территории нами учтено 74 мужских погребения с орнаментированной керамикой. В 8 выявлены сосуды с “ресничками” (10,8%). Женских погребений с орнаментированной керамикой учтено 30. В 3 выявлены сосуды с рассматриваемым орнаментом (10,0%). Для западной территории учтено 89 мужских погребений с орнаментированной керамикой. В 8 были сосуды с “ресничками” (8,9%). Соответствующих женских погребений учтено 43. При этом комплексов, где обнаружены сосуды с “ресничками”, – 3 (7,0%). Показатели тенденции признака помещены в табл. 4. Из нее видно, что вероятность попадания рассматриваемых сосудов в погребения не зависела от пола.

Среди лиц, в могилах которых обнаружена посуда с “ресничками”, были люди разного общественного положения, а точнее сказать – разных статусов и рангов [о статусах и рангах в срубном обществе см.: Цимиданов 2004б, с. 28-69]. Об этом свидетельствуют знаки, присутствующие в анализируемых комплексах. Сначала рассмотрим ситуацию на восточной

территории. Из 75 погребений, где содержались сосуды с “ресничками”, 7 (9,3%) демонстрируют знак “курган, досыпка”. Уточним, что о присутствии этого знака правомерно говорить в том случае, когда погребение было единственным под курганом (досыпкой) или являлось одним из двух захоронений под курганом (досыпкой) и при этом превосходило второе захоронение по размерам могильной ямы, сложности могильного сооружения, наличию остатков мясной пищи и т.д.

Рис. 7. Сосуды с “ресничками”, тип Р-ХV: 1 – Быково IV 9/4 (Волгоградская обл.); 2 – Осиновка 5/1 (Саратовская обл.); 3 – Пасеково 1/3 (Воронежская обл.); 4 – Советское I 2/4 (Воронежская обл.); 5 – Октябрьское 8/7 (Донецкая обл.); 6 – Греки II 1/1 (Краснодарский край); 7 – Шевченко 4/13 (Херсонская обл.)

Fig. 7. Vessels with “eyelashes”

12 погребений (16,0%) совершены в больших ямах. К последним мы относим ямы с площадью, превышающей 2 кв. м. Большинство умерших погребено в простых ямах. Только в 4 случаях (5,3%) имело место более сложное сооружение – яма со ступенькой (2 комплекса), столбовая конструкция (1), катакомба (?) (1).

Остатки мясной пищи в виде костей животных на дне могилы были в 9 захоронениях (12,0%).

Погребальный инвентарь, как правило, состоял лишь из керамических сосудов. При этом в 46 случаях (61,3% погребений) сосуд был 1, в 20 (26,7%) – 2, в 9 (12,0%) – 3. Применительно к рассматриваемой территории, в отличие от западной, 2 сосуда, а возможно, и 3 не являются социально значимым признаком. Некерамический инвентарь представлен бронзовыми браслетами (3 комплекса; 4,0%), каменными топорами (2; 2,7%), бронзовыми ножами (2; 2,7%), астрагалами мелкого рогатого скота (2; 2,7%), а также пряслицем, шилом, бронзовым перстнем, костяной деталью жезла-трости, костяными стрелами, “бабками” (не ясно, что имел в виду автор публикации, ибо “бабками” в археологической литературе именуют и астрагалы, и скакательные суставы) – по 1 случаю (1,3%).

В 2 могилах выявлено по 4 костяка, еще в 2 – по 2. Один из погребенных был вытянут на спине, 3 подвергнуты расчленению (в 1 случае отсутствовала голова; в 1 выявлена лишь верхняя половина костяка; в 1 расчленение было произведено в области позвоночника). Трое умерших были кремированы, 1 обожжен, 1 захоронение являлось кенотафом.

В 5 погребениях присутствовала охра, в 3 – угли, в 1 дно могилы было посыпано желтым песком. При совершении 10 погребений (13,3%) производились ритуалы вне дна могилы. Их следы представлены керамикой, костями животных, а также другими предметами и субстанциями, обнаруженными в заполнении могильной ямы, на перекрытии, на погребенной почве и в насыпи кургана.

Некоторые из перечисленных знаков отражают повышенный ранг умершего (“курган, досыпка”, “большая яма”, “сложное могильное сооружение”, “кенотаф”, “мясная пища”, “нож”, “ритуалы вне могилы”). В целом, среди лиц, в могилах которых были сосуды с “ресничками”, 30 (40%) имели при жизни повышенный ранг. Тут стоит отметить следующее. Для восточной территории нами учтено 319 погребений людей повышенного ранга с орнаментированными сосудами. Среди них 9,4% содержали сосуды с “ресничками”. Соответствующий показатель по рядовым погребениям (низшего ранга) с орнаментированными сосудами (учтено 630) – 7,1%. Тенденция признака для рядовых погребений составляет 0,9, а для погребений лиц повышенного ранга – 1,1. Отсюда следует, что на восточной территории вероятность попадания сосудов с “ресничками” в могилы лиц низшего и повышенного ранга была практически одинаковой. В подтверждение данного вывода произведем еще некоторые подсчеты. В табл. 5 приведена информация о частоте встречаемости основных ранговых знаков в комплексах, где выявлены сосуды с “ресничками”, с одной стороны, и общем массиве учтенных захоронений восточной территории, с другой. Как свидетельствуют значения тенденции признака, ранговые знаки в обеих сводках имеют нормальную встречаемость. Итак, очевидно, на восточной территории не ранг умершего определял попадание в захоронение сосуда с “ресничками”.

Рассматриваемые сосуды могли оказываться в могилах лиц с разным статусом. Они выявлены, в частности, в 2 комплексах с каменными топорами (захоронения властителей высшей ступени иерархии) и 1 комплексе с навершием жезла-трости (властитель низшей ступени). Интересно, что ни разу в комплексах нашей сводки сосуд с “ресничками” не сочетался с булавой (знак властителя средней ступени). Как видно из табл. 6, встречаемость жезлов-тростей в рассматриваемых погребениях нормальная, но зато топоров – необычайно высокая.

Данные, приведенные в табл. 6, показывают и некоторые другие интересные моменты. Нормальной в захоронениях, где были сосуды с “ресничками”, является встречаемость стрел, маркирующих статус воина, астрагалов и кремаций, маркирующих, как мы полагаем,

служителей культа, шильев, маркирующих, на наш взгляд, мастеров, изготовлявших кожаные изделия. А вот встречаемость пряслиц (по нашему мнению, это – знак мастеров, занимавшихся прядением) довольно высока.

Подводя итог по восточной территории, можно констатировать, что хотя сосуды с “ресничками” и могли оказываться в захоронения лиц с разным статусом, вероятность их попадания в могилы властителей высшего ранга являлась наиболее высокой. Почти столь же высокой она была и в случае с лицами, занимавшимися прядением. В связи с последним отметим, что данное занятие у населения срубной культуры являлось сакральным [Цимиданов 1999]. Таким образом, на востоке территории срубной общности “реснички” каким-то образом ассоциировались с представлениями о высшей власти и прядении.

Обратимся теперь к материалам западной территории. Из 140 учтенных захоронений, где выявлены сосуды с “ресничками”, знак “курган, досыпка” демонстрируют 39 (27,9%). В ряде курганов выявлены дополнительные элементы архитектуры, в том числе срезка грунта на определенной площади (2 случая), ровик (1), кромлех круглой формы (1), большая каменная ограда подпрямоугольной в плане формы (2), стела (1). Знак “большая яма” имел место в 29 случаях (20,7%). Знак “сложное могильное сооружение” присутствовал в 25 случаях (17,9%). При этом 21 сооружение являлось срубом, 2 – столбовой конструкцией, 2 – каменным ящиком усложненной конструкции.

Мясная пища была в 23 захоронениях (16,4%). В том числе в 5 могилах (3,6%) ее представляли наиболее престижные части туши – хребтовая и задняя. Избыточное число сосудов (на западной территории – 2 и более) выявлено в 46 комплексах (32,9%). При этом в 33 комплексах (23,6%) находились 2 сосуда, в 10 (7,1%) – 3, в 3 (2,1%) – 4.

Некерамический инвентарь представлен бронзовыми ножами (11 комплексов; 7,9%), деревянными блюдами (6; 4,3%), височными подвесками (5; 3,6%), браслетами (1; 0,7%), астрагалами мелкого рогатого скота (4; 2,9%), астрагалами крупного рогатого скота (3; 2,1%), деревянным сосудом, плетью, бронзовым острием, иглой, кремневым отщепом, костяной “пуговицей”, двумя деревянными брусками неясного назначения, кусочком бронзовой проволоки (по 1 комплексу; 0,7%).

Из погребений 6 являлись парными (4,3%), в 1 обнаружено 3 костяка. Пять умерших (3,6%) были кремнированы, 2 (1,4%) обожжены. В 1 случае (0,7%) на голову погребенного был положен камень. Три захоронения (2,1%) являлись кенотафами. В 4 могилах (2,9%) выявлены угли, в 3 (2,1%) – охра, в 2 (1,4%) – подсыпка из желтой глины на дне могилы. Наконец, в 1 захоронении на плите каменного ящика, находившейся перед погребенным, был выполнен солярный знак. Следы ритуалов вне могилы зафиксированы в 27 случаях (19,3%).

Можно обратить внимание на то, что знаки, демонстрируемые погребениями западной территории, содержащими сосуды с “ресничками”, более многочисленны, чем знаки соответствующего массива восточной территории. Но, с другой стороны, некоторые знаки в первом массиве, в отличие от второго, отсутствуют: оружие (по той причине, что на западной территории не было воинства как социальной группы), инсигнии власти, расчленение умершего. Относительно инсигний власти сделаем уточнение. Одно время мы полагали, что к ним следует причислять и плети [Цимиданов 2004б, с. 71], но в дальнейшем у нас появились основания, заставившие отнести данные изделия к атрибутам служителей культа [Цимиданов 2007б].

Лица, в могилах которых обнаружена керамика с “ресничками”, и на западной территории имели при жизни разный ранг. Применительно к этой территории мы выделяем 3 ранговых уровня: высший (его знаком служило совершение погребения между двумя уже существовавшими курганами с последующим возведением досыпки, эти курганы соединявшей), повышенный, маркировавшийся разнообразными знаками, и низший. Из лиц, похороненных с рассматриваемой керамикой, высший ранг был у 5 (3,6%), повышенный – у 78 (55,7%), низший – у 57 (40,7%). Сразу бросается в глаза, что на западной территории

среди людей, в погребениях которых выявлены сосуды с “ресничками”, значительно ниже удельный вес лиц низшего ранга, чем на восточной.

На западной территории нам известно 33 погребения лиц высшего ранга с орнаментированными сосудами. Керамика с “ресничками” была в 15,2% из них. Соответствующий показатель по комплексам повышенного ранга (учтено 654) составляет 11,9%, по комплексам низшего ранга (753) – 7,6%. Тенденция признака составляет 0,7% для погребений низшего ранга, 1,0 для погребений повышенного ранга и 1,3 для погребений высшего ранга. Итак, в отличие от восточной территории, на западной для человека вероятность быть погребенным с интересующей нас керамикой возрастала по мере повышения его ранга.

Приведенные в табл. 7 данные подтверждают такой вывод. Из нее хорошо видно, что все ранговые знаки в массиве захоронений, содержащих сосуды с “ресничками”, имеют повышенную встречаемость.

Судя по нашей сводке, рассматриваемая керамика попадала на западной территории в захоронения людей разных статусов. В частности, среди учтенных комплексов имеются погребения служителей культа, мастеров и носителей производственной функции. Удельный вес лиц этих трех групп в рассматриваемом массиве виден из табл. 8. Приведенная в ней информация показывает, что в группе служителей культа частота встречаемости сосудов с “ресничками” повышена, а в группах мастеров и носителей производственной функции нормальна.

По поводу захоронений служителей культа следует сделать одно уточнение. Погребения, отнесенные нами к этой группе, демонстрируют следующие знаки данного статуса: кремация умершего, присутствие в могиле деревянной чаши, астрагалов мелкого рогатого скота и крупных животных, плети, сосуда с иррегулярным орнаментом (типы II, III, IV по нашей классификации [Цимиданов 2004б, с. 51]). Из табл. 9 видно, что некоторые знаки, маркировавшие служителей культа, имеют в массиве захоронений, содержащих сосуды с “ресничками”, нормальную встречаемость (деревянная чаша, астрагалы мелкого рогатого скота, сосуд с иррегулярным орнаментом), а некоторые – повышенную (кремация, астрагалы крупных животных, плеть). Таким образом, лишь для представителей некоторых групп служителей культа, но – не для всех, вероятность быть погребенными с рассматриваемой керамикой была выше, чем для носителей производственной функции и мастеров.

Коснемся вопроса о семантике “ресничек”. Некоторые гипотезы на сей счет уже высказывались. Например, А. Галан трактовал треугольники с “ресничками” (по его терминологии – “черточками”) как облака (черточки, считал автор, изображают дождь) [Голан 1994, с. 16, рис. 10, 2, 7], а штандарты с бахромой – как изображения богини, дарующей дождь, либо бога солнца, посылающего на землю лучи [Голан 1994, с. 21, рис. 27, 4]. Не исключено, что применительно к изобразительности некоторых культур гипотезы исследователя и верны, но в случае со срубной орнаментацией это едва ли так. В частности, учитывая, что “реснички” часто направлены вверх, вправо и влево (см., например: рис. 1, 2; 2, 2; 3, 3-6; 4, 1, 3-6; 5, 1, 5; 6, 2, 4, 6; 7, 1-7), можно усомниться, что они символизируют струи дождя. Добавим, что в срубной культуре известен знак, который с достаточной долей вероятности изображает дождь. Это – наклонные линии, значительно более длинные, чем “реснички” [Горбов и др. 1993, с. 119; рис. 63]. Среди учтенных нами композиций лишь на одной (рис. 1, 1) “реснички” имеют относительно большую длину. Возможно, здесь изображен дождь, но проблемы остальных случаев это не решает.

Что касается солнечных лучей, то в срубной культуре они, действительно, порой изображались короткими черточками, аналогичными “ресничкам”. Нам известно 2 таких случая [Шнайдштейн 1981, табл. 17; Мамонтов 2001, рис. 1, 13]. Оба раза черточки размещаются вокруг центрального солярного знака (свастики). Данные изображения мы не

включили в нашу сводку. Во всех учтенных нами орнаментальных композициях с “ресничками” последние не демонстрируют отмеченного расположения.

В орнаментации керамики трипольской культуры порой встречаются персонажи, обрамленные черточками, напоминающими “реснички”. По мнению Б.А. Рыбакова, таким образом изображались женщины в одежде, увешанной ветками, травами и цветами [Рыбаков 1981, с. 188], т.е. черточки в некоторых изобразительных системах могут символизировать растительность. Однако, едва ли данный вариант семантики уместен применительно к срубным “ресничкам”, поскольку, исходя из всего того, что мы знаем об изобразительности данной культуры, тема растительности не была для нее характерна.

Таким образом, следует допускать, что в срубной культуре “реснички” имели другую семантику. Один из способов выяснения значения знака – найти его в таком контексте, когда он становится понятным. Но тут возникает серьезная сложность, проистекающая из особенностей изобразительности срубной культуры. Данной культуре не присущ иконизм, т.е. в ней очень мало изображений, имеющих сходство с реальными объектами. Отсюда следует необходимость расширения круга источников, а именно обращения к другим древним традициям. В этом плане большой интерес представляют петроглифы Центральной Азии и, в первую очередь, те из них, которые датируются эпохой бронзы. Значение данных источников для рассмотрения нашей темы проистекает из следующего:

1. Петроглифы в большинстве случаев иконичны;

2. Они, вместе с тем, демонстрируют изрядную долю символизма: отдельные компоненты изображаемых объектов подвергнуты стилизации и, по сути, превращены в символы;

3. Благодаря тому, что петроглифы исчисляются тысячами, можно надеяться найти среди них все важнейшие символы, использовавшиеся в бронзовом веке.

Вопрос о том, к каким археологическим культурам следует относить те или иные наскальные рисунки Центральной Азии, все еще остается дискуссионным. Часть их могла быть создана андроновцами [Кузьмина 2008, с. 69]. Носители андроновских культур говорили на языках индоиранской группы (общности) [Кузьмина 1994, с. 216-267], т.е. в языковом плане являлись родственными срубникам-иранцам. Впрочем, даже независимо от того, оставлены ли интересующие нас петроглифы индоиранцами, срубная изобразительная традиция и традиция живших в то же время создателей наскальных рисунков были тесно взаимосвязаны на архетипическом уровне. На первый взгляд, между двумя традициями нет ничего общего. В срубной культуре почти безраздельно господствует до предела стилизованный геометрический орнамент. Петроглифы же, в большинстве своем, демонстрируют примитивный реализм. Учтем, однако, что в данном случае мы сталкиваемся с изображениями, выполненными на принципиально разных поверхностях, а характер поверхности сильно влияет на особенности изображения. В случае с петроглифами поверхность, как правило, имеет большую площадь и неправильную форму, что вовсе не настраивало мастера каким-то образом упорядочивать рисунки. Конечно, упорядоченность встречается и здесь (например – ряды животных или антропоморфных персонажей, а также – различные композиции), но это – скорее исключение, чем правило. Значительно чаще рисунки расположены хаотично. Иная ситуация – со срубными изображениями. Они нанесены, в основном, на сосуды. Особенность же сосуда такова, что человек, намеревающийся выполнить на нем рисунок, сталкивается с заданной формой и размером. Поэтому мастер членит поверхность на участки, чаще всего – горизонтальные полосы, в пределах которых изображения размещает “построчно” и ритмично. Здесь играют роль не столько эмоции, сколько расчет, предопределяющий соответствие орнамента форме предмета (сосуда). К подобным композиционным решениям независимо друг от друга приходили мастера в разных уголках Земли уже на самых ранних этапах распространения глиняной посуды [см., например: Мелларт 1982, рис. 18; Даниленко 1985, рис. 30, 1, 9, 10]. Таким образом, можно утверждать, что ритмичность и стилизованность знаков на срубной

керамике предопределялось самой формой сосуда. Все отмеченное касается и костяных изделий цилиндрической формы (в частности, деталей жезлов и плетей), а также круглых блюх. Напротив, в тех случаях, когда изображения выполнены на плоскости (обычно – изогнутой), скажем, костяных уплощенных изделиях вытянутой формы, они, как правило, иконичны [см., например: Усачук и др. 2006, рис. 3; 8].

Иконические рисунки изредка встречаются и на срубной керамике, причем они находят некоторые аналогии в петроглифах. Так, на сосуде из Волчанки, 8/5 (Самарская обл.) изображен шагающий человек с опущенными руками [Кузнецова и др. 1991, рис. 4, 4]. Рисунки, не идентичные данному с точки зрения стилистики, но выполненные по такой же схеме, встречаются среди петроглифов [см., например: Окладников 1980, табл. 147, 21; Окладников 1981, табл. 96, 3; Окладников и др. 1985, табл. 10, 3]. Известное изображение колесницы на сосуде из могильника Сухая Саратовка, 2/2 (Саратовская обл.) [Галкин 1977, рис. 1] выполнено по схеме, находящей сотни аналогий среди петроглифов [см., например: Шер 1980, рис. 20, 23, 55-58]. На сосуде из Полянок (Татарстан) можно видеть профильные изображения животных [Формозов 1980, рис. 10, 1]. Их особенность – показ четырех ног, сгруппированных попарно и расположенных параллельно одна другой. Аналогичный прием мы встретим на петроглифах [см., например: Окладников и др. 1981, табл. 2, 7; 3, 6; 56, 15].

Таковы лишь некоторые примеры схождения между срубной изобразительностью и петроглифами. Учитывая их наличие, можно предполагать тождественность семантики срубных “ресничек” и “ресничек”, входящих в состав наскальных рисунков.

Итак, обратимся к петроглифам. Здесь напоминающие “реснички” черточки мы встретим неоднократно как составляющие самых разнообразных рисунков. В разных контекстах на петроглифах эпохи бронзы, раннего железа, средневековья и нового времени данные черточки изображают:

- а) *солнечные лучи* [Медоев 1979, табл. 35];
- б) *отростки рогов оленя* [Медоев 1979, табл. 17; 19; 26; 42; 51; 69; Окладников и др. 1979, табл. 8, 5; 10], *горного козла* [Окладников и др. 1979, табл. 26, 5; 73], *личин* [Дэвлет 1980, табл. 45, 217; 47, 226];
- в) *когти* [Медоев 1979, табл. 14; 75];
- г) *птичьи перья* [Медоев 1979, табл. 68; 74; 75; 100];
- д) *волосы на голове человека* [Медоев 1979, табл. 82];
- е) *шерстинки конского хвоста* [Медоев 1979, табл. 68; 79; 88; 89];
- ж) *лошадиную гриву* [Медоев 1979, табл. 62; 65; 68; 79; 88; 89];
- з) *шерсть животных* [Медоев 1979, табл. 1; 84; Окладников и др. 1979, табл. 16, 1; 22, 1; 34; Дэвлет 1980, табл. 18, 108; Окладников и др. 1985, табл. 19, 8] или *антропоморфных персонажей* [Максимова и др. 1985, с. 14-15];
- и) *бунчук копья* [Медоев 1979, табл. 97];
- к) *бахром на казахском тумаре (обереге)* [Медоев 1979, табл. 68; 72; 75-77; 88].

Строго говоря, случаи д) – к) семантически тождественны, и их правомерно объединить в один – “реснички – шерсть/волосы”. Таким образом, у нас имеется 5 возможных вариантов семантики срубных “ресничек”. Стоит прибегнуть к методу исключения.

Выше мы уже отмечали, что вариант “реснички – солнечные лучи” не представляется нам вероятным.

Вариант “реснички – отростки рогов оленя или горного козла” также вызывает серьезные сомнения. Горные козлы в срубном ареале не водились. Там, конечно, встречались олени, и почитание этого животного хорошо известно у скифов и более поздних иранских народов, в частности – осетин [Афанасьев 1976, с. 127; Чибиров 1983, с. 95-96; Уарзиати 1986, с. 118]. Однако, у населения срубной культуры оно, очевидно, не имело больших масштабов. Нам не известны находки костей этого животного, тем более – рогов, в святилищах (в отличие, например, от осетин). Что касается погребальных комплексов, то мы

знаем лишь 1 случай, когда жертвенным животным был олень (его кость найдена в выкиде из могильной ямы). Это – погребение могильника Прогресс, 2/3 (Донецкая обл.) [Михлин 1971].

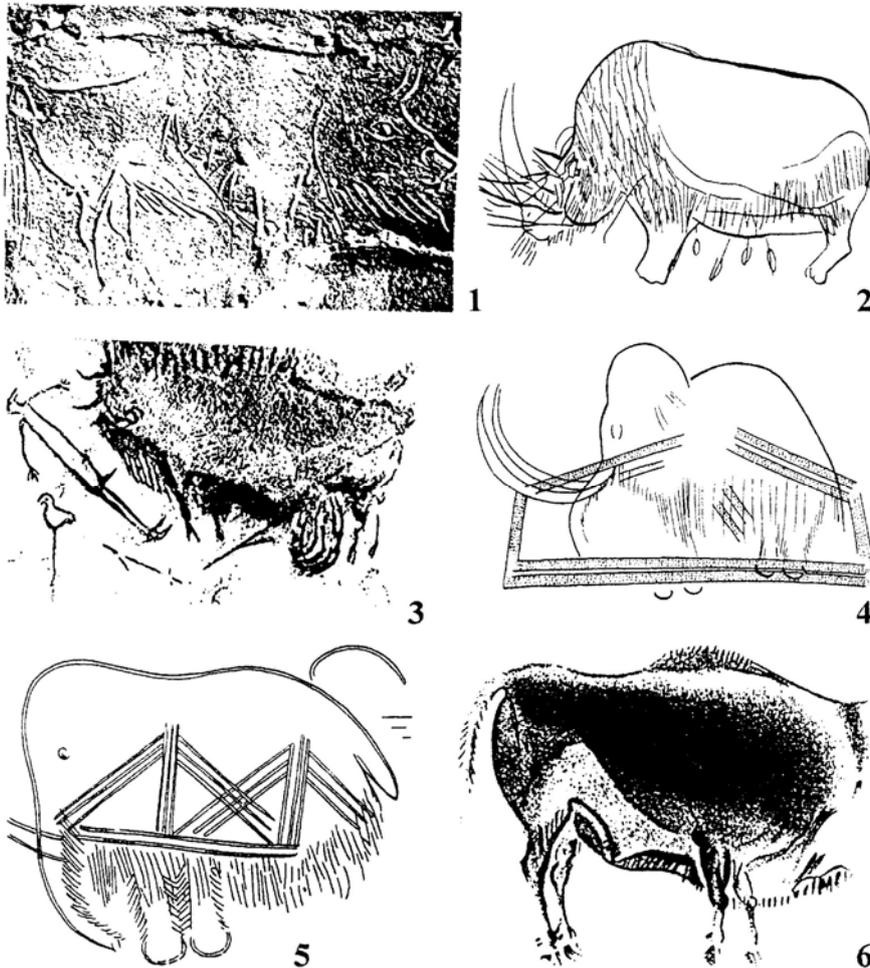
Рис. 8. Изображение шерсти на петроглифах (1-4) и срубном сосуде (5): 1 – Мугур-Саргол (Западный Саян); 2, 4 – Елангаш (Горный Алтай); 3 – Тамгалы (Северное Приятьншанье); 5 – Раздольное (Приазовье)

Fig. 8. Representation of the hair on the petroglyphs and Timber-Grave culture vessel

В пользу варианта “реснички – перья” может выступить изображение птиц на костяном шпателье с поселения Ильичевка, Донецкая обл. [Усачук и др. 2006, рис. 3]. Здесь перья показаны короткими черточками, имеющими некоторое сходство с “ресничками”, выполненными на сосудах. Однако, если мы предположим, что “реснички” символизировали перья, их частая встречаемость в орнаменте заставит нас допускать существование у срубного населения широко распространенного почитания птиц. А между тем последнее практически не фиксируется. Показательны материалы жертвенников и святилищ срубной культуры. Здесь, при частой встречаемости костей

лошади, мелкого и крупного рогатого скота, костей птиц, насколько нам известно, нет [см., например: Березанская 1989, с. 118, 119; Ромашко 1993, с. 84, 85; Горбов и др. 1999, с. 26-37; Изотова 2000, с. 120-121]. Конечно, мы не утверждаем, что в данных комплексах вообще невозможно присутствие птичьих костей, но, тем не менее, даже если птицы и приносились в жертву, это являлось исключениями. Добавим, что среди остатков мясной пищи, обнаруживаемых в погребениях, кости птиц оказываются довольно редко. По нашим подсчетам, в которых использовались материалы с территории Украины, удельный вес этих случаев не превышает 5,5% в массиве погребений с костями животных [Цимиданов 1996, с. 204]. Показатель по Среднему Поволжью – еще ниже. Он составляет около 0,3% [Крамарев и др. 1999, с. 83]. Несомненно, птицы занимали определенное место в религиозно-мифологических представлениях населения срубной культуры. Об этом свидетельствует упомянутое изображение на ильичевском шпателье и, возможно, знаки в виде “уточек”,

присутствующие в составе срубных орнаментальных композиций [см., например: Отрошенко 1990, с. 15; Крюкова, 2006, с. 57-58], однако все это – единичные факты. Таким образом, и рассмотренный вариант семантики “ресничек” представляется нам маловероятным.

Рис. 9. Изображение шерсти на рисунках позднего палеолита: 1 – Нио; 2 – Ла Коломбьев; 3 – Ляско; 4 – Фон де Гом; 5 – Бернифаль; 6 – Альтамира (1-5 – Франция; 6 – Испания)

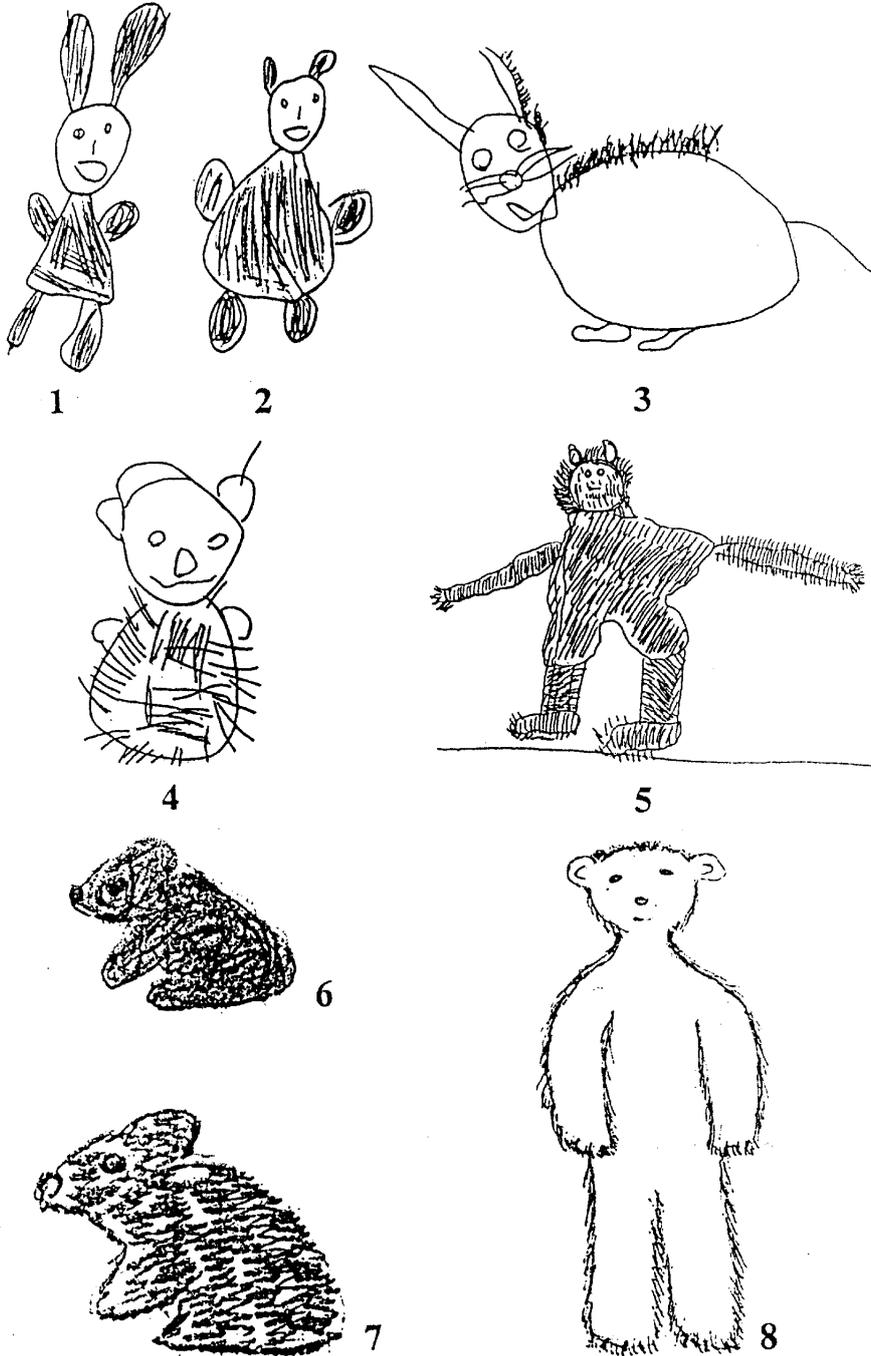
Fig. 9. Representation of the hair on the Late Paleolithic pictures

Крамарев и др. 1999, с. 86; Морозов и др. 2003, с. 15; Цимиданов 2004в, с. 264). Но все такие находки происходят с восточной территории срубной общности. Можно сослаться еще на скелеты собак, обнаруженные в срубных погребениях. Данные случаи единичны. В сводке из 2831 захоронения с территории Днепро-Донецкого региона лишь 3 содержали костяки собак [Цимиданов 2004б, с. 66]. Изредка жертвоприношения собак производились и на поселениях. Здесь останки данного животного могут быть представлены целым скелетом, но чаще – лишь черепом [Горбов и др. 1999, с. 26, 29, 36]. Отсюда видно, что наибольшую знаковую нагрузку из всех частей тела собаки имела голова, но – не лапы, что косвенно подтверждает отсутствие выраженного почитания когтей хищников у срубного населения.

Итак, остается последний из рассматриваемых вариантов семантики: “реснички – шерсть/волосы”. Остановимся на этом варианте более детально. На петроглифах эпохи бронзы черточки передают шерсть яков (рис. 8, 1, 2) (о датировке этих изображений см.: Окладников и др. 1985, с. 8) и т.н. “ряженных” (рис. 8, 3) [о датировке см.: Максимова и др. 1985, с. 10-12]. Подобная иконография шерсти появилась еще в эпоху позднего палеолита (рис. 9) и дожила до современности. В частности, таким же образом шерсть изображалась на наскальных рисунках алтайцев до XX в. [Окладников и др. 1980, табл. 45, 7; 66, 2] (рис. 8, 4).

Вариант “реснички – когти” также, скорее всего, следует отбросить. Конечно, установить, какое место занимали когти животных в культовой практике срубников, сложно, поскольку данные предметы почти не сохраняются в земле. Нам известен лишь 1 случай обнаружения когтей в захоронении срубной культуры, к тому же – сомнительный. Некие артефакты на плане погребения названы когтями, а в описании комплекса – клыками [Морозов и др. 2003, рис. 5, 10; с. 8]. Судя по археологическим данным, в верованиях срубников хищники занимали весьма незначительное место по сравнению с домашним скотом. Тем не менее, какие-то верования с хищниками, несомненно, были связаны. Это фиксируют, в частности, изредка встречающиеся в погребениях просверленные клыки волка, лисицы, собаки (см., например:

Автор данной статьи провел следующий эксперимент. По его просьбе 14 дошкольников (возраст – 4-5 лет) и 13 студентов (возраст – 17-18 лет) рисовали животных, покрытых шерстью. Четверо детей сделали даже по 2-3 рисунка. Интересно, что при этом каждый ребенок изображал шерсть на всех своих рисунках в одной манере (см.: рис. 10, 1 и рис. 10, 2). Поэтому ниже рисунки одного и того же ребенка мы рассматриваем как 1 случай.

Рис. 10. Изображение шерсти на современных рисунках: 1, 2 – Курдюкова Ольга, 4 года; 3 – Шаповалов Эдуард, 4 года; 4 – Дворник Демьян, 4 года; 5 – Бодерлан Сергей, 17 лет; 6 – Колий Юлия, 17 лет; 7 – Засухина Юлия, 17 лет; 8 – Затулло Игорь, 17 лет

Fig. 10. Representation of the hair on the modern pictures

Рисунки демонстрируют, в основном, два способа показа шерсти, причем каждый из них использовали и дети, и студенты:

1) с помощью относительно прямых или изогнутых черточек (рис. 10, 1 – кроме заполнения левой верхней лапы; 10, 2 – кроме заполнения лап); 10, 3, 4);

2) с помощью круговых линий (рис. 10, 1 – заполнение левой верхней лапы; 10, 2 – заполнение лап).

Третий способ, когда равномерно затемняется фон, встречен на рисунках 2 студентов, но дети к нему не прибегали. Наконец, на рисунке 1-й студентки контур животного показан прерывистым, что также имитирует шерсть. В целом, оба последних приема является не типичным для обеих возрастных групп.

На рисунках детей лишь в 1 случае черточки отходят от контура, который ничем не заполнен внутри (рис. 10, 3).

Во всех остальных случаях черточки или круговые линии находятся внутри контура, выходя порой за его пределы. Стремление детей заполнить контур является, очевидно, результатом того, что они с раннего возраста знали

“раскраски”. Отметим, что способ 1) встречается чаще, чем способ 2). К первому прибегали 13 детей, ко второму – лишь 2. При этом только один из детей использовал способ 2) в “чистом” виде, другой же выполнил рисунок, комбинируя оба способа. Итак, большинство рассмотренных детских рисунков демонстрирует показ шерсти черточками, и это роднит их с петроглифами. Существенных различий между наскальными изображениями и детскими рисунками можно отметить два:

а) “шерстинки” на петроглифах отходят от контура, а на детских рисунках, как правило, находятся внутри него;

б) черточки, изображающие шерсть, на петроглифах относительно параллельны, а на детских рисунках в большинстве случаев разнонаправлены и часто пересекаются (см., например, рис. 10, 1, 2, 4).

На рисунках 13 студентов шерсть показана прямыми или изогнутыми черточками (рис. 10, 5, 6, 8) в 10 случаях, а круговыми линиями (рис. 10, б) – в 2. Еще в 1 случае шерсть была частично изображена короткими черточками, а частично – прерывистостью контура. Как и большинство дошкольников, студенты заполняли контур. Лишь на 2 рисунках изображающие шерсть черточки выходили за его пределы (рис. 10, 5, 8). Существенное отличие студенческих рисунков от детских – преобладание внутри контура однонаправленных “шерстинок”. Более или менее намеренно к этому стремились 7 человек. Лишь в 1 случае черточки нарочито пересекаются. Что касается дошкольников, то здесь в 4 случаях черточки более или менее параллельны, а в 8 пересекаются.

Не заостряя внимания на других наблюдениях, которые можно сделать, рассматривая данные рисунки, отметим наиболее важное. И дети, и молодые люди чаще всего изображают шерсть с помощью более или менее длинных черточек. Почему способ показа шерсти с помощью относительно параллельных черточек, возникший на заре развития изобразительности, продолжает использоваться и в настоящее время, нетрудно объяснить. Ведь именно так и выглядит шерсть многих животных – как совокупность параллельных шерстинок, и именно так ее проще всего изобразить. Вместе с тем, параллельные черточки, среди прочих ассоциаций, вызывают ассоциацию с волосами. Показательно, что рассматриваемые нами черточки срубных орнаментов многие археологи именуют “ресничками”. У других эти линии ассоциируются с бахромой. Но бахрома, в свою очередь, по крайней мере, в некоторых культурах, “была своеобразной имитацией развевающихся волос” [Ашихмина 2002, с. 34].

Учитывая все отмеченное, правомерно допустить, что “реснички” в срубной орнаментации изображают именно шерсть. В пользу такого предположения можно привести еще один аргумент. На фрагменте срубного сосуда с поселения Раздольное (Донецкая обл.) изображено животное (рис. 8, 5). Вид его определить затруднительно, т.к. голова сильно повреждена [Горбов и др. 2001, с. 182, рис. 24, 4]. Однако нет сомнений в том, что параллельные черточки, отходящие от нее, передают шерсть или гриву. Важным моментом является то, что изображение выполнено на сосуде, орнаментированном зигзагом с “ресничками” (!). Отсюда возможен вывод об ассоциации “ресничек” с животными. Любопытные аналогии рассмотренному изображению можно найти среди материалов поселения Алтын-Депе (Туркменистан), датируемых временем Намазга V. Тут на ряде женских статуэток присутствуют “треугольники с ресничками” (по терминологии автора публикации), а так же – ромб с “ресничками”. На тех же статуэтках выполнены изображения растений [Массон 1981, табл. VIII]. В данной ситуации четко видно, что “реснички” ассоциируются с представлениями о женском плодородии и растительности, причем знак-символ (“реснички”) сочетается с иконическими знаками (“женский персонаж” и “растение”). Сочетание знака-символа “реснички” и иконического знака (на сей раз – изображения животного) демонстрирует и фрагмент из Раздольного. В этом – его тождественность статуэткам Алтын-Депе. Но ассоциации в двух случаях принципиально разные. Здесь мы сталкиваемся с распространенным явлением, когда внешне похожие

символы (в нашем случае – “реснички”) имеют разную семантику. Ю.Е. Березкин, ссылаясь на изобразительность индейцев Великих Равнин, отметил, что определенные изображения переходят от одного этноса к другому, но их толкование при этом легко меняется. Отсюда автор делает следующий вывод: “Изобразительный элемент что-то значит лишь в контексте определенной культуры. Попытки его “дешифровки”, исходя из другого контекста, совершенно неправомерны” [Березкин 2003, с. 326]. На наш взгляд, данное утверждение все-таки несколько категорично. Конечно, если мы трактуем интересующий нас знак, исходя лишь из одной параллели, можно ошибиться. Но если параллелей несколько, и во всех случаях семантика знака, визуально тождественного нашему, одна и та же, то вероятность того, что семантика интересующего нас знака – точно такая же, является тем большей, чем большее число параллелей с данной семантикой мы найдем. В случае со срубными “ресничками” важно то, что черточки, подобные “ресничкам”, на петроглифах чаще всего изображают именно шерсть или волосы.

Выше мы писали об ассоциации “ресничек” с прядением. Учитывая, что никаких данных в пользу выращивания срубниками культур, дававших бы растительные волокна, у нас нет, следует предполагать, что население срубной культуры изготовляло шерстяные нити. Таким образом, если верно наше допущение, что “реснички” символизируют шерсть животных (а скорее – определенного животного), повышенная вероятность попадания сосудов с “ресничками” в захоронения людей, занимавшихся прядением, становится вполне естественной.

Но здесь возникает вопрос, шерсть какого животного могли изображать “реснички”. Два наиболее вероятных претендента – баран/овца и козел/коза. Эти животные в археологической литературе обычно объединяются под общим названием “мелкий рогатый скот”, поскольку определение их костей до вида не всегда возможно. Тем не менее, часто это удается. Судя по разработкам О.П. Журавлева, население срубной культуры разводило животных обоих упомянутых видов, причем соотношение между этими двумя видами сильно варьировало на разных поселениях. Но все-таки в большинстве случаев удельный вес барана/овцы был значительно выше [Журавлев 2001, с. 19]. На первый взгляд, учитывая, что шерсть козла/козы – прямая, а барана/овцы – закрученная, можно допустить, что “реснички” ассоциировались с козлом/козой. Однако, следует учесть два момента:

1) “реснички” на срубной керамике входят в состав орнаментальных композиций, состоящих из знаков-символов (т.е., знаков, обычно не имеющих сходства с означаемым в силу сильной стилизованности). Поэтому в данном контексте “реснички”, скорее всего, также являются знаками-символами, а, следовательно, ожидать от них близкого сходства с прототипом не обязательно. Исключением из правила, вероятно, является орнамент, присутствующий на сосуде из Раздольного, 2/1, Донецкая обл. (рис. 4, 4). Здесь “реснички” присутствовали на двух фризах, причем, на нижнем они имели обычный вид черточек, а на верхнем были показаны полукружиями;

2) козел и коза, широко представленные в мифологиях многих индоевропейских народов, особенно у греков и славян, в верованиях иранцев (а к этой группе принадлежали носители срубной культуры) играли второстепенную роль [Топоров 1991а]. Значительно более знаковыми являлись у иранских народов баран и овца.

Отмеченное позволяет допускать, что “реснички”, очевидно, изображают именно баранью/овечью шерсть. Не ставя задачу детально рассмотреть место барана и овцы в верованиях иранцев, приведем лишь некоторые факты, свидетельствующие в пользу высокого семиотического статуса данного животного у этих народов:

а) с бараном был связан иранский бог войны Веретрагна [Брагинский 1991, с. 122];

б) баран выступал как символ царской власти. В мифологии Ирана он олицетворял фарн – символ власти и божественной сущности властителя [Топоров 1991б, с. 569]. Поэтому, например, персидских царей иногда изображали с бараньими рогами [Голан 1994, с. 64];

в) баран символизировал плодородие. В частности, у осетин женщины обращались к “святому барану” с просьбой даровать детей [Калоев 1991в, с. 578];

г) баран выступал как символ сексуальной силы. Так, у курдов половой акт ассоциировался с тем, что баран чешет свой курдюк или рога. А в одной из курдских сказок фигурирует баран, который за одну ночь может оплодотворить сто овец [Курдские сказки... 1989, с. 246, 435];

д) баран ассоциировался со счастливым браком. В иранской мифологии богиня Аши (аналог римской Фортуны), которая прячется в шерсти барана, наделяла мужчин прекрасными женами и дочерьми [Лелеков 1991, с. 80]. Фарн также был способен даровать жену и детей [Топоров 1991б, с. 569]. В Персии во время брачных церемоний жених приводил невесте барана с рогами, украшенными золотыми листьями, ногами, покрашенными хною, и с зеркалом на лбу. В ходе свадьбы совершались жертвоприношения нескольких баранов [Галунов 1930, с. 189, 192, 193];

е) баран символизировал удачу, богатство, материальное благополучие. Например, по представлению иранцев, все это приносила упомянутая выше богиня Аши, ассоциировавшаяся с бараном [Лелеков 1991, с. 80]. А в курдской сказке герой зарезал барана-производителя, что породило массу проблем, в том числе материального плана [Курдские сказки... 1989, с. 246-247];

ж) баран и овца считались носителями здоровья. Так, осетины, чтобы не заболеть оспой, приносили в жертву владыке этой болезни белого барана [Калоев 1991а, с. 28]. Они же жертвовали баранов Ататы Дзуару, обладавшему целебной силой [Калоев 1991б, с. 69];

з) баран ассоциировался со щедростью. Это видно из курдской сказки, герой которой, чтобы угодить гостю, режет для трапезы всех своих баранов [Курдские сказки... 1989, с. 304];

и) баран считался медиатором между мирами. В частности, в сказках персов и курдов герой, сидя верхом на баране, можно попасть в потусторонний мир и вернуться оттуда [Курдские сказки... 1989, с. 49; Персидские народные сказки 1987, с. 63].

Известны у иранских народов и обрядовые действия, связанные с бараньей шкурой или изделиями из нее. В частности, у таджиков новорожденного ребенка, когда его впервые клали в колыбель, накрывали шкурой барана [Мардонова 1984, с. 123]. У осетин во время свадьбы появлялись парни в вывернутых наизнанку (т.е. – шерстью наружу) бараньих шубах [Уарзиаты 1995, с. 207]. Вывернутая шуба надевалась также участником осетинского праздника Ног бон для перевоплощения в Духа природы, который даровал изобилие [Уарзиаты 1986, с. 118]. Та же манипуляция производилась во время праздника в честь божества плодородия и благополучия Уациллы [Калоев 1971, с. 244].

Итак, если наше допущение о семантике “ресничек” верно, то следует признать, что данный знак у носителей срубной культуры мог быть связан с довольно широким спектром идей. Но, похоже, в первую очередь он ассоциировался с представлениями о пути в потусторонний мир, что следует из отмеченного выше факта тяготения “ресничек” к погребальной керамике. Эта ассоциация проистекала, очевидно, из того, что баран у срубников считался медиатором между мирами живых и мертвых, как это имело место у курдов и персов. Нелишне добавить, что такой же функцией барана наделяли и другие народы, например, древние греки и украинцы [Циміданов 2007а, с. 161-164]. Что касается носителей срубной культуры, то медиативная роль барана (вероятно, – и овцы) у них хорошо иллюстрируется присутствием костей данного животного в погребальных комплексах. При этом особенно показательными являются захоронения, где, судя по размещению костей, на перекрытии могильного сооружения была разложена шкура барана (овцы) [см., например: Полидович и др. 1986].

Наличие семиотической связи между “ресничками” и каменными топорами проистекало, очевидно, из того, что баран у срубников являлся символом высшей власти. Как следует из вышеизложенного, это находит параллели в иранской мифологии. В данной

связи стоит упомянуть и то, что на пекторали из скифского кургана Толстая Могила, шкура барана, похоже, ассоциировалась с царской властью [Петрухин 2001 с. 153-154]. Корелляция “ресничек” с лицами высшего и повышенного ранга на западной территории срубной общности, вероятно, была обусловлена тем, что баран в срубной культуре, как и в других иранских культурах символизировал удачу, богатство и материальное благополучие.

Подведем итог нашему поиску. Мы попытались показать, что “реснички” на керамике срубной культуры изображали шерсть барана/овцы. А если мы вернемся к приведенным выше этнографическим и фольклорным данным, фиксирующим высокую знаковую нагрузку данного животного, у иранских и других народов, мы сможем заметить, что семиотический статус барана был намного более высок, чем статус овцы. Отсюда правомерно допущение, что реснички изображают именно баранью шерсть. Привлечение новых материалов (особенно, иконических изображений срубной культуры) позволит проверить, насколько высказанные нами гипотезы верны. Вместе с тем, мы постарались продемонстрировать перспективность рассмотрения знаков срубной изобразительной системы в неразрывной связи с контекстами, в которых они находились (в нашем случае, – с контекстами погребальных комплексов). Подобный подход позволяет более объективно реконструировать семантику данных знаков.

Циміданов В.В.

ОРНАМЕНТ З “ВІЯМИ” НА ПОХОВАЛЬНІЙ КЕРАМІЦІ ЗРУБНОЇ КУЛЬТУРИ

На поховальних посудинах зрубної культури зустрічається орнамент із “віями” (короткими відрізками, котрі прилягають до різноманітних орнаментальних фігур). Автор аналізує 215 поховань зрубної культури, у яких містилися посудини із цим орнаментом, і робить деякі спостереження, найбільш важливими із яких є наступні: а) вірогідність того, що у поховання потрапить посудина із “віями”, на східній території зрубної спільноти збільшувалась відповідно до зростання віку людей, натомість на західній території вона була найвищою у групі осіб 7-20 років; б) ця вірогідність не була обумовлена статтю; в) на східній території посудини із “віями” не корелювалися із ранговою позицією, а на західній території вірогідність потрапляння посудин із цим орнаментом у поховання зростала відповідно до зростання рангової позиції; г) посудини із “віями” корелюються із похованнями володарів вищого рангу та прядильників.

Використання археологічних, етнографічних та фольклорних матеріалів для аналізу семантики “вій” дозволяє інтерпретувати їх як символ овечої шерсті.

Ключові слова: зрубна культура, поховання, посудина, орнамент, соціальні групи, статеві групи, семантика.

Tsimidanov V.V.

ORNAMENT WITH “EYELASHES” ON THE TIMBER-GRAVE CULTURE BURIAL’S CERAMICS

On the Timber-Grave culture burial’s vessels ornament with “eyelashes” (shot segment, which added to the different ornamental figures) took place. The author had analyzed 215 Timber-Grave culture burials in which the vessels with this ornament are presented and came to several conclusions. The most important of them are as following: a) a probability of location of a vessels with “eyelashes” in burials on the east territory of the Timber-Grave community increases simultaneously with the increase of the peoples age, but on the west territory it was the highest in the group of the people of 7-20-years old; b) this probability is not depended from the sex; c) on the

east territory vessels with “eyelashes” is not correlates with the rank position, but on the west territory a probability of location of a vessels with this ornament in burials increases simultaneously with the rise of rank position; d) vessels with “eyelashes” takes a correlation with a chiefs burial of the highest rank and spinner’s burial.

The application of archaeological, ethnographical and folk-lore materials to the analysis of the “eyelashes” semantic needle allow us to interpret these as a symbol of the ship’s hair.

Keywords: Timber-Grave culture, burial, vessel, ornament, social groups, sex and age groups, semantic.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Алихова А.Е. Комаровское поселение у Моечного озера / А.Е. Алихова // МИА. – 1958. – № 61. – С. 157-180.

Афанасьев Г.Е. Дохристианские религиозные воззрения алан / Г.Е. Афанасьев // СЭ. – 1976. – № 1. – С. 125-130.

Ашихмина О. Старый мир Нового Света / О. Ашихмина // Современная энциклопедия. Аванта: Мода и стиль. – М.: Аванта, 2002. – С. 30-35.

Багаутдинов Р.С. Курганные группы Золотая Нива I и II / Р.С. Багаутдинов, И.Н. Васильева // Вопросы археологии Урала и Поволжья. – Самара: Изд-во Самар. ун-та, 2004. – Вып. 2. – С. 181-211.

Березанская С.С. О культовых сооружениях на поселениях срубной культуры Северского Донца / С.С. Березанская // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе: тез. науч.-практич. семинара. – Донецк, 1989. – С. 118-120.

Березанская С.С. Усово Озеро. Поселение срубной культуры на Северском Донце / С.С. Березанская. – К.: Наук. думка, 1990. – 150 с.

Березкин Ю.Е. Археология и этнография Великих Равнин / Ю.Е. Березкин // Археологические вести. – СПб., 2003. – № 10. – С. 320-327.

Берестнев С.И. Восточноукраинская лесостепь в эпоху средней и поздней бронзы (II тыс. до н.э.) / С.И. Берестнев. – Харьков: ПФ Амет, 2001. – 264 с.

Брагинский И.С. Веретрагна / И.С. Брагинский // Мифологический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1991. – С. 122.

Васильев И.Б. Периодизация памятников срубной культуры лесостепного Поволжья / И.Б. Васильев, О.В. Кузьмина, А.П. Семенова // Срубная культурно-историческая общность (Проблемы формирования и периодизации). – Куйбышев, 1985. – С. 60-94.

Васильева И.Н. Поселение Сачково Озеро / [И.Н. Васильева, Е.В. Козин, Л.С. Кулакова, Н.П. Салугина] // Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья. – Самара, 2008. – С. 58-102.

Гаврилюк А.Г. Погребальные комплексы. Могильники Ак-Мулла I, Городищенское IX, Наровчатский II / А.Г. Гаврилюк, С.А. Григорьев, С.С. Марков // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза) / Серия “Этногенез уральских народов”. – Челябинск: ООО ЦИКР «Рифей», 2006. – С. 89-152.

Галунов П.А. Средняя персидская свадьба / П.А. Галунов // Сборник музея антропологии и этнографии. – Л.: Изд-во АН СССР, 1930. – Т. IX. – С. 187-195.

Генинг В.Ф. Формализованно-статистические методы в археологии (анализ погребальных памятников) / [В.Ф. Генинг, Е.П. Бунятян, С.Ж. Пустовалов, Н.А. Рычков]. – К.: Наук. думка, 1990. – 214 с.

Голан А. Миф и символ / А. Голан. – Иерусалим: ТАРБУТ; М.: РУССЛИТ, 1994. – 375 с.

Горбов В.Н. Культовые комплексы на поселениях срубной культуры Северо-Восточного Приазовья / В.Н. Горбов, Р.А. Мимоход // Древности Северо-Восточного Приазовья. – Донецк, 1999. – С. 24-69.

- Горбов В.Н.** Дружковский могильник и некоторые вопросы мировоззрения срубных племен / В.Н. Горбов, А.Н. Усачук // АА. – № 2. – Донецк, 1993. – С. 115-131.
- Горбов В.Н.** Раннесрубно-многоваликовский горизонт поселения Раздольное в Приазовье / В.Н. Горбов, А.Н. Усачук // АА. – № 10. – Донецк, 2001. – С. 155-196.
- Даниленко В.Н.** Буго-Днестровская культура / В.Н. Даниленко // Археология Украинской ССР: в 3 т. – К.: Наук. думка, 1985. – Т. 1. – С. 118-126.
- Дэвлет М.А.** Петроглифы Мугур-Саргола / М.А. Дэвлет. – М.: Наука, 1980. – 272 с.
- Журавлев О.П.** Остеологические материалы из памятников эпохи бронзы лесостепной зоны Днепро-Донского междуречья / О.П. Журавлев. – К., 2001. – 200 с.
- Зудина В.Н.** Раннесрубный могильник у с. Песочное / В.Н. Зудина, В.А. Скарбовенко // Древности Среднего Поволжья. – Куйбышев, 1985. – С. 51-78.
- Изотова М.А.** Ритуальные комплексы поселения эпохи поздней бронзы “Макаровская Речка” / М.А. Изотова // Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы евразийской степи и лесостепи: тез. докл. конф. – Воронеж, 2000. – С. 118-124.
- Изотова М.А.** Поселение эпохи поздней бронзы Макаровская Речка / М.А. Изотова // Нижневолжский археологический вестник. – Вып. 8. – Волгоград, 2006. – С. 154-172.
- Казаков Е.П.** Погребения эпохи бронзы могильника Такталачук / Е.П. Казаков // Древности Икско-Бельского междуречья. – Казань, 1978. – С. 67-108.
- Калоев Б.А.** Осетины (Историко-этнографическое исследование) / Б.А. Калоев. – М.: Наука, 1971. – 358 с.
- Калоев Б.А.** Аларды / Б.А. Калоев // Мифологический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1991а. – С. 28.
- Калоев Б.А.** Ататы Дзуар / Б.А. Калоев // Мифологический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1991б. – С. 69.
- Калоев Б.А.** Фыры дзуар / Б.А. Калоев // Мифологический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1991в. – С. 578.
- Колев Ю.И.** Комплексы позднего бронзового века поселения Григорьевка I в Самарской области / Ю.И. Колев // Вопросы археологии Поволжья. – Вып. 2. – Самара, 2002. – С. 151-166.
- Крамарев А.И.** Кости животных в погребальном обряде срубной культуры (По материалам погребальных памятников Среднего Поволжья) / А.И. Крамарев, О.В. Кузьмина // XIV Уральское археологическое совещание: матер. совещ. – Челябинск, 1999. – С. 83-87.
- Крюкова Е.А.** Сосуд со знаками из коллекции II Булановского поселения / Е.А. Крюкова // Этнические взаимодействия на Южном Урале: матер. конф. – Челябинск, 2006. – С. 55-58.
- Кузнецова Л.В.** Курганный могильник срубной культуры у с. Волчанка в Куйбышевском Заволжье / Л.В. Кузнецова, М.С. Седова // СА. – 1991. – № 3. – С. 161-178.
- Кузьмина Е.Е.** Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев / Е.Е. Кузьмина. – М., 1994. – 464 с.
- Кузьмина Е.Е.** Арии – путь на юг / Е.Е. Кузьмина. – М.; СПб.: Летний сад, 2008. – 558 с.
- Курдские** сказки, легенды и предания. – М.: Наука, 1989. – 624 с.
- Лелеков Л.А.** Аши / Л.А. Лелеков // Мифологический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1991. – С. 80.
- Литвиненко Р.А.** Курган срубной культуры у с. Ивано-Дарьевка / Р.А. Литвиненко, Ю.Б. Полидович // АА. – № 10. – Донецк, 2001. – С. 110-144.
- Лопатин В.А.** Родовой некрополь Песковатского поселения / В.А. Лопатин, С.И. Четвериков // АВЕС. – Вып. 4. – Саратов, 2007. – С. 107-131.
- Максименков Г.А.** Андроновская культура на Енисее / Г.А. Максименков. – Л.: Наука, 1978. – 191 с.
- Максимова А.Г.** Наскальные изображения урочища Тамгалы / А.Г. Максимова, А.С. Ермолаева, А.Н. Марьяшев. – Алма-Ата: Онер, 1985. – 144 с.

Мамонтов В.И. Курганный могильник Первомаевский VIII / В.И. Мамонтов // Нижневолжский археологический сборник. – Вып. 4. – Волгоград, 2001. – С. 179-195.

Мардонова А. Обычаи и обряды детского цикла у таджиков верховьев Зерафшана в прошлом и настоящем / А. Мардонова // СЭ. – 1984. – № 3. – С. 120-128.

Марина З.П. Курганы эпохи бронзы Среднего Присамарья / З.П. Марина, В.А. Ромашко, Е.Л. Фещенко // ПАП. – Днепропетровск: Изд-во Днепр. ун-та, 1986. – С. 4-36.

Массон В.М. Алтын-Депе / Труды Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции / В.М. Массон. – Л.: Наука, 1981. – Т. XVIII. – 176 с.

Медоев А.Г. Гравюры на скалах: в 2 ч / А.Г. Медоев. – Алма-Ата: Жалым, 1979. – Ч. 1. – 176 с.

Мелларт Д. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока / Д. Мелларт. – М.: Наука, 1982. – 150 с.

Михлин Б.Ю. Отчет о раскопках Азовской археологической экспедиции Донецкого областного общества охраны памятников истории и культуры и Ждановского краеведческого музея в 1971 г. – НА ІА НАНУ. – № 1971/77.

Морозов Ю.А. Погребальные памятники срубной культуры бассейна реки Дема (Башкирское Приуралье) / Ю.А. Морозов, Р.А. Нигматуллин. – Уфа, 2003. – 47 с.

Мыськов Е.П. Погребения срубной культуры Ерзовского курганного могильника / Е.П. Мыськов // Древности Волго-Донских степей. – Вып. 1. – Волгоград, 1990. – С. 42-57.

Овчинникова Н.В. Исследование кургана срубной культуры в Бугурусланском районе Оренбургской области / Н.В. Овчинникова, Е.В. Кабанова // Археологические памятники Оренбуржья. – Вып. III. – Оренбург, 1999. – С. 65-74.

Окладников А.П. Петроглифы Центральной Азии / А.П. Окладников. – Л.: Наука, 1980. – 272 с.

Окладников А.П. Петроглифы Монголии / А.П. Окладников. – Л.: Наука, 1981. – 228 с.

Окладников А.П. Древние рисунки Кызыл-Келя / А.П. Окладников, Е.А. Окладникова. – Новосибирск, 1985. – 148 с.

Окладников А.П. Петроглифы долины реки Елангаш (юг Горного Алтая) / [А.П. Окладников, Е.А. Окладникова, В.Д. Запорожская, Э.А. Скорынина]. – Новосибирск: Наука, 1979. – 136 с.

Окладников А.П. Петроглифы Горного Алтая / [А.П. Окладников, Е.А. Окладникова, В.Д. Запорожская, Э.А. Скорынина]. – Новосибирск: Наука, 1980. – 140 с.

Окладников А.П. Петроглифы Чанкыр-Келя / [А.П. Окладников, Е.А. Окладникова, В.Д. Запорожская, Э.А. Скорынина]. – Новосибирск: Наука, 1981. – 146 с.

Отрощенко В.В. Идеологические воззрения племен эпохи бронзы на территории Украины (по материалам срубной культуры) / В.В. Отрощенко // Обряды и верования древнего населения Украины. – К.: Наук. думка, 1990. – С. 5-17.

Памятники срубной культуры. Волго-Уральское междуречье // САИ. – Вып. В1-10. – Саратов, 1993. – 200 с.

Персидские народные сказки. – М.: Наука, 1987. – 504 с.

Петрухин В.Я. “Золотое руно” и “скифская космограмма” / В.Я. Петрухин // Миф. – София, 2001. – № 7. – С. 147-156.

Полидович Ю.Б. Новые погребальные памятники эпохи бронзы с территории Донецкой области / Ю.Б. Полидович // АА. – № 2. – Донецк, 1993. – С. 35-98.

Полидович Ю.Б. Срубный погребальный комплекс из Русиного Яра (Донбасс) / Ю.Б. Полидович, В.В. Цимиданов // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век): в 2 ч. – Донецк, 1996. – Ч. первая. – С. 100-105.

Ромашко В.А. Святилища и жертвенники на поселениях срубной культуры Украины / В.А. Ромашко // ПАП. – Днепропетровск: Изд-во Днепр. ун-та, 1993. – С. 79-91.

Рыбаков Б.А. Язычество древних славян / Б.А. Рыбаков. – М.: Наука, 1981. – 608 с.

- Топоров В.Н.** Козел / В.Н. Топоров // Мифы народов мира: в 2 т. – М.: Советская энциклопедия, 1991а. – Т. 1. – С. 663-664.
- Топоров В.Н.** Фарн / В.Н. Топоров // Мифологический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1991б. – С. 569.
- Уарзиати В.С.** Маски и ряжение в традиционном быту осетин / В.С. Уарзиати // СЭ. – 1986. – № 3. – С. 115-124.
- Уарзиаты В.** Праздничный мир осетин / В. Уарзиати. – Владикавказ, 1995. – 233 с.
- Усачук А.Н.** Уникальные изображения животных на орудиях гончарного производства эпохи поздней бронзы / А.Н. Усачук, Ю.Б. Полидович // Структурно-семиотические исследования в археологии: в 3 т. – Донецк, 2006. – Т. 3 – С. 249-268.
- Фещенко Е.П.** Исследование кургана эпохи бронзы у с. Николаевка в Присамарье / Е.П. Фещенко // АДУ 2005-2007. – К.; Запоріжжя: Дике поле, 2007. – С. 401-405.
- Формозов А.А.** Памятники первобытного искусства на территории СССР / А.А. Формозов. – М.: Наука, 1980. – 136 с.
- Цимиданов В.В.** Отчет об исследованиях Краснолиманской археологической экспедиции у с. Новоселовка Краснолиманского района и в Марьинском районе Донецкой области в 1988 г. – НА ІА НАНУ. – № 1988/205.
- Цимиданов В.В.** Отчет об исследованиях Краснолиманской археологической экспедиции у с. Новоселовка Краснолиманского района и в Марьинском районе Донецкой области. 1989 г. – НА ІА НАНУ. – № 1989/178.
- Цимиданов В.В.** Отчет об исследованиях Краснолиманской археологической экспедиции у с. Новоселовка Краснолиманского района Донецкой области. 1990 г. – НА ІА НАНУ. – № 1990/209.
- Цимиданов В.В.** Мясная пища в погребениях срубной общности как проявление дифференциации культуры / В.В. Цимиданов // Древние культуры Восточной Украины. – Луганск, 1996. – С. 198-213.
- Цимиданов В.В.** Веретено в обрядах населения срубной культуры / В.В. Цимиданов // Труды ГИМ. – Вып. 109: Текстиль эпохи бронзы Евразийских степей. – М., 1999. – С. 224-227.
- Цимиданов В.В.** “Азбука” орнамента срубной культуры / В.В. Цимиданов // Літопис Донбасу. – № 12. – Донецьк: Донбас, 2004а. – С. 30-36.
- Цимиданов В.В.** Социальная структура срубного общества / В.В. Цимиданов. – Донецк, 2004б. – 204 с.
- Цимиданов В.В.** Украшения в погребальном обряде срубной культуры: социальный и поло-возрастной аспект / В.В. Цимиданов // АА. – № 14. – Донецк, 2004в. – С. 260-291.
- Циміданов В.В.** Кожух у віруваннях українців / В.В. Циміданов // Наукова парадигма географічної освіти України в ХХІ столітті. – Донецьк, 2007а. – С. 156-168.
- Циміданов В.В.** Поховання із нагайками в зрубній культурі / В.В. Циміданов // МДАСУ. – № 7. – Луганськ, 2007б. – С. 217-224.
- Цимиданов В.В.** Возрастная стратификация общества срубной культуры / В.В. Цимиданов // МДАСУ. – Луганськ, 2008. – № 8. – С. 56-82.
- Чибиров Л.А.** Аграрные истоки культа животных у осетин / Л.А. Чибиров // СЭ. – 1983. – № 1. – С. 94-102.
- Шер Я.А.** Петроглифы Средней и Центральной Азии / Я.А. Шер. – М.: Наука, 1980. – 328 с.
- Шнайштейн Е.В.** Раскопки курганной группы Купцын Толга / Е.В. Шнайштейн // Археологические памятники Калмыкии эпохи бронзы и средневековья. – Элиста, 1981. – С. 78-119.

Таблица 1. Частота встречаемости погребений, содержащих сосуды с “ресничками” в орнаменте

Регионы	Учтено погребений с орнаментированными сосудами	Комплексы, содержащие сосуды с “ресничками”, среди них (%)
Южный Урал	268	6,7
Среднее Поволжье	408	8,3
Нижнее Поволжье	272	8,5
Среднее Подонье	168	14,3
Нижнее Подонье	134	7,5
Предкавказье	26	3,8
Левобережная украинская лесостепь, левобережье Среднего Донца, верховья Калитвы	138	18,8
Донецкий кряж и его западные склоны	314	10,5
Северо-восточное Приазовье	243	7,4
Орельско-Самарское междуречье	165	9,1
Самарско-Конкское междуречье	80	2,5
Днепровско-Молочанское междуречье	100	6,0
Днепровское Правобережье	65	4,6
Крым	26	7,7
В целом	2407	8,9

Таблица 3. Орнамент с “ресничками” в возрастных группах

Возрастные группы	Тенденция признака	
	Восточная территория	Западная территория
Младшая	0,7	0,7
Средняя	0,9	1,3
Старшая	1,4	1,0

Таблица 4. Орнамент с “ресничками” в половых группах

Половые группы	Тенденция признака	
	Восточная территория	Западная территория
Мужчины	1,0	1,1
Женщины	1,0	0,9

Таблица 2. Частота встречаемости орнамента с “ресничками” разных типов и вариантов (%)*

Типы и варианты	Срубная общность в целом (222 орнаментальные единицы)		Восточная территория (77 орнаментальных единиц)		Западная территория (145 орнаментальных единиц)	
	Учтено случаев	%	Учтено случаев	%	Учтено случаев	%
P-I-1	19	8,6	9	11,7	10	6,9
P-Ia-1	1	0,5	1	1,3	--	--
P-I-2	4	1,8	--	--	4	2,8
P-I-3	2	0,9	1	1,3	1	0,7
P-I-4	12	5,4	6	7,8	6	4,1
P-I-5	7	3,2	4	5,2	3	2,1
P-Ia-5	1	0,5	--	--	1	0,7
P-I-6	3	1,4	2	2,6	1	0,7
P-Ia-6	1	0,5	--	--	1	0,7
P-I-7	5	2,3	2	2,6	3	2,1
P-I-8	4	1,8	--	--	4	2,8
P-I-9	9	4,1	2	2,6	7	4,8
P-II	4	1,8	3	3,9	1	0,7
P-III	71	32,0	21	27,3	50	34,5
P-IV	9	4,1	3	3,9	6	4,1
P-V	4	1,8	2	2,6	2	1,4
P-VI	1	0,5	--	--	1	0,7
P-VII-1	4	1,8	2	2,6	2	1,4
P-VII-2	2	0,9	--	--	2	1,4
P-VII-3	2	0,9	--	--	2	1,4
P-VIII	4	1,8	--	--	4	2,8
P-IX	6	2,7	2	2,6	4	2,8
P-X	1	0,5	--	--	1	0,7
P-XI	4	1,8	2	2,6	2	1,4
P-XII	14	6,3	6	7,8	8	5,5
P-XIII	5	2,3	2	2,6	3	2,1
P-XIV	5	2,3	4	5,2	1	0,7
P-XIVa	1	0,5	--	--	1	0,7
P-XV	17	7,7	3	3,9	14	9,7

* – от числа учтенных орнаментальных единиц

Таблица 5. Частота встречаемости некоторых ранговых знаков в погребениях восточной территории

Знаки	Погребения в целом	Погребения, содержавшие сосуды с “ресничками”
	2263	75
Курган/досыпка	12,9% (1,2)*	9,3% (0,8)
Большая яма	12,5% (0,9)	16,0% (1,1)
Мясная пища	10,2% (0,9)	12,0% (1,1)
Бронзовый нож	1,9% (0,8)	2,7% (1,2)
Ритуалы вне могилы	8,1% (0,8)	13,3% (1,2)

* – в скобках указано значение тенденции признака

Таблица 6. Частота встречаемости некоторых статусных знаков в погребениях восточной территории

Знаки	Погребения в целом	Погребения, содержавшие сосуды с “ресничками”
	2263	75
Жезл с навершием в виде каменного топора	0,2% (0,1)*	2,7% (1,9)
Жезл-трость	0,8% (0,8)	1,3% (1,2)
Стрелы	0,8% (0,8)	1,3% (1,2)
Астрагалы мелкого рогатого скота	2,5% (1,0)	2,7% (1,0)
Кремация	3,5% (0,9)	4,0% (1,1)
Бронзовое шило	0,9% (0,8)	1,3% (1,2)
Пряслице	0,2% (0,3)	1,3% (1,7)

* – в скобках указано значение тенденции признака

Таблица 7. Частота встречаемости некоторых ранговых знаков в погребениях западной территории

Знаки	Погребения в целом 3797	Погребения, содержавшие сосуды с “ресничками” 140
Курган/досыпка в целом	15,7% (0,7)*	27,9% (1,3)
Соединительная досыпка	1,1% (0,5)	3,6% (1,5)
Большая яма	8,8% (0,6)	20,7% (1,4)
Сложное могильное сооружение	9,1% (0,7)	17,9% (1,3)
Мясная пища в целом	8,0% (0,7)	16,4% (1,3)
Хребтовая и задняя части туши	1,3% (0,5)	3,6% (1,5)
Бронзовый нож	1,5% (0,3)	7,9% (1,7)
Деревянное блюдо	0,6% (0,2)	4,3% (1,8)
Избыточное число сосудов в целом	9,8% (0,5)	32,9% (1,5)
2 сосуда	7,3% (0,5)	23,6% (1,5)
3 сосуда	1,2% (0,3)	7,1% (1,7)
4 сосуда	0,2% (0,2)	2,1% (1,8)
Кенотаф	1,0% (0,6)	2,1% (1,4)
Ритуалы вне могилы	10,8% (0,7)	19,3% (1,3)

* – в скобках указано значение тенденции признака

Таблица 8. Удельный вес захоронений разных статусных групп на западной территории

Статусные группы	Погребения в целом 3797	Погребения, содержавшие сосуды с “ресничками” 140
Властители	0,4%	--
Служители культа	7,4% (0,5)*	20,7% (1,5)
Мастера	1,3% (1,0)	1,4% (1,0)
Носители производственной функции	89,8% (1,1)	77,9% (0,9)
“Спутники” и жертвы	1,1	--

* – в скобках указано значение тенденции признака

Таблица 9. Частота встречаемости статусных знаков служителей культа на западной территории

Статусные знаки	Погребения в целом 3797	Погребения, содержавшие сосуды с “ресничками” 140
Кремация	2,0% (0,7)*	3,6% (1,3)
Деревянная чаша	0,6% (1,0)	0,7% (1,0)
Астрагал мелкого рогатого скота	2,8% (1,0)	2,9% (1,0)
Астрагал крупного скота	0,3% (0,4)	1,4% (1,6)
Плеть	0,1% (0,25)	0,7% (1,75)
Сосуд с иррегулярным орнаментом	6,3%** (0,8)	10,0% (1,2)

* – в скобках указано значение тенденции признака

** – в данном случае процент считался от числа погребений, где находились орнаментированные сосуды